

Оксана Фукія

СЕРЕБРЯНЫЙ ОТГОЛОСКИ СУДЬБЫ

18+

Оксана Букия Серебряный. Отголоски Судьбы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39987212

SelfPub; 2021

Аннотация

На планете Элиас нет магии. Здесь правит сила Шакти. Могущественные шакты с помощью хьяртов управляют энергией стихий, имея неограниченную власть над остальными людьми. Димостэнис Иланди – шакт, глава Службы имперской безопасности, могущественный и всесильный, как сам властитель империи. Однако судьба не спрашивает с кем ей играть. Она стучит в двери и у Серебряного уже нет выбора. Ему предначертано сразиться с могущественным Советом Пяти, спасти от неминуемой гибели императора, выиграть войну, найти свою любовь и... потерять все. От судьбы не уйти! Надо лишь прислушаться и услышать ее отголоски.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	64
Глава 4	84
Глава 5	102
Глава 6	127
Глава 7	153
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Оксана Букия Серебряный. Отголоски Судьбы

Пролог

Сколько уже дней они держат эту забытую всеми Богами и людьми крепость? Шесть. Скоро Талла¹ вновь спрячет свои лучи и начнется новый отчет сэтов².

А с ними новая боль, кровь, крики умирающих, стоны. Усталость.

Нечеловеческая, удушающая усталость. Иногда кажется, что нет сил, чтобы протянуть руку и взять арбалет. Но вновь и вновь болты ложатся в направляющие пазы, растягивается тетива и тихо щелкают затворы.

Противников много. Так много, что им почти не надо отдыхать, сменяя одну волну нападающих на другую, изматывая защитников, вынимая последние силы.

Все же Эшдар держался. На надорванных жилах, на несломленной воле, на одном единственном желании: забрать с собой к Вратам Зелоса³ как можно больше врагов. На стенах стояли все, кто мог хоть как-то оборонять крепость от очередного приступа. Раненые, почти не умеющие владеть

¹ Талла – звезда, вокруг которой вращается планета Элиас. Основной источник жизни, тепла, света. Почитается жителями Элиаса, как основное божество, мать прародительница.

² Сэт – период времени равным шестидесяти менам (минутам).

³ Зелос – Бог Элиаса, сущность власти, защитник семейных уз и зарождения новой жизни, покровитель благополучия и быта.

боевым оружием поселенцы, пришедшие несколько дней назад и вставшие на стены мальчишки, начиная от шестнадцати аров, и старики.

Сколько дней они еще продержатся? Три? Два? Или завтра будет их последний рассвет?

От бесчисленных атак стена покрылась рядами трещин, кое-где зияли дыры, были уничтожены несколько башен.

Димостэнис смотрел, как откатывается очередной вал, давая время на короткий отдых. Воины быстро второпях засовывали в себя еду, пытаясь выторговать у самих себя мены для сна. Как же мало их осталось!

Еще несколько дней назад гибель Стэла командующий ощутил, как личную трагедию, засевшую занозой в его душе. Мальчишка! Горячий, с пылающим глазами, ищущий подвигов и не любивший сточные воды. Не смог остановиться там, где надо было просто развернуться и незаметно уйти.

Сейчас же подсчитывая потери после очередной попытки захвата крепости, он чувствовал лишь тупое отчаяние. Грог, Радис, Эльдин, парни, с которыми он стоял на стене бок о бок столько сэтов. Лица, которые он никогда больше не увидит, имена, которые уже стерлись из летописи жизни. Так же как сотрутся и их.

Димостэнис устало прислонился к стене. Вытер кровь, сочащуюся из брови. Наверное, посекло каменной крошкой. Скоро снова начнется атака. А он ведь предупреждал советников, что так и будет...

Глава 1

– Димостэнис, ты отдаешь отчет своим словам? – глава Дома Иланди бросил на сына осуждающий взгляд.

Дим обвел взглядом всех присутствующих. Совет Пяти и хмурого императора. Аурино терпеть не мог такие вот сборища. Где советники имели силу и могли указывать, как поступать молодому правителю. Сегодня же речь шла о том, чтобы рассредоточить часть военных сил империи и отправить полки на северные границы, тем самым предотвратив надвигающуюся угрозу.

Основной проблемой являлось то, что глава службы имперской безопасности не имел веских доказательств того, что в скором времени что-то должно произойти. В одном из поселений восточной квоты Астрэйелля на границе с Мюрдженом десять дней назад был убит агент его службы. Девятый. За последние несколько миноров⁴.

Ориф с несколькими своими людьми все эти дни провел в деревне, где произошел последний случай, пытаясь по горячим следам найти виновников. Ситуация настораживала и требовала немедленных ответов на возникающие вопросы. Когда первый агент был найден с перерезанным горлом в канаве и обчищенными карманами, в ту самую ночь, когда он

⁴ Минор – период времени равный тридцати дням.

должен был выйти на контакт, все посчитали это досадным недоразумением. Второго убитого агента – несчастным случаем. Третьего...

Больше закрывать глаза на происходящее и списывать все на неувязки, совпадения, случайности было нельзя. Стало ясно что в рядах, как казалось Димостэнису, его отлаженной службы завелся информатор, работающий на вражескую сторону.

Осторожно, не вызывая подозрений он проверил весь свой ближний круг, начиная от первых помощников, однако не нашел ни одной ниточки, которая привела бы его к предателю. Однако Дим не зря занимал свое место. Почти минор, используя только своих личных агентов, о которых никто не знал, кроме него самого, он выяснял, что происходит на восточных границах с Мюрдженом.

Его упорство все же было вознаграждено. Он сумел раз-
узнать, за что убили двоих его агентов в этом месте. В порт приходили не только суда, груженные запрещенными товарами из долины, но уходили баркасы с подданными его величества. Это стало неприятным открытием, так как несмотря на все усилия службы безопасности и многих сэтов скрупулезной и тяжелой работы, они сумели упустить нечто важное, происходящее прямо перед их носом.

Не вдаваясь в подробности, Дим рассказал обо всем на общем совете.

– Они обучают наших людей, вкладывают в их головы кра-

мольные идеи, отпускают назад, распространять заразу вокруг себя, охватывая заговором восточную часть империи. У меня есть предположения, что дальше они пойдут на сервер и именно с него начнут экспансию на Астрэйелль.

– Вы можете объяснить, на чем они строятся, Димостэнис? – поинтересовался Ремманос Олафури, высказав общее мнение Совета Пяти.

– Это самая незащищенная часть нашего государства, – Иланди младший подошел к огромной карте Астрэйелля, висящей на стене. – С запада империя – это гряда неприступных скал и земли Домов Дайонте и Олафури. Юг – мертвые земли и Дом Иланди, центр защищен армиями Домов Пантерри и Элсмиретте. Чтобы не задумывал Мюрджен вряд ли они рискнуть напасть на основные военные формирования империи. Одного востока им будет мало, остается север – самые незащищенные земли нашего государства. К тому же северяне народ суровый и не признающий никакого давления. Ни для кого не секрет, что в последние десять аров наместник северной квоты лишь платит его величеству налоги, формально признавая его власть. Однако север уже не живет по общим законам империи и очень не любит, когда Эфранор⁵ сует свой нос в их дела. Если наши соседи окажут им помощь в виде личного участия и военной поддержки, те могут решить, что они тоже отдельное северное княжество. По империи ударят сразу с двух сторон. И это будет уже не

⁵ Эфранор – столица Астрэйелля.

мятеж, который можно подавить силами карателей, а настоящая война, к которой Мюрджен так упорно готовится. К тому же северная квота – основные заводы по изготовлению акилоровской стали⁶, да и вообще – сердце промышленной жизни Астрэйелля. Это солидная часть нашей экономики.

Видя, что его не торопятся перебивать, Димостэнис незаметно выдохнул и приободрился.

– Если Великие Дома бросят часть своих полков на северные границы, это остудит пыл наших соседей и напомнит наместнику, что в доме есть только один хозяин. С другой стороны, это покажет людям, что император о них заботится.

Советники молчали. Самое интересное – в их молчании не было резкого отрицания того, что им было сказано. Иногда они переглядывались, словно умели с помощью одной лишь мысли понимать друг друга. Впрочем, за столько аров общения, может и умели.

Император до этого не проронивший ни слова, слегка расслабленно откинулся на спинку кресла. Димостэнис поймал его взгляд. Аурино было нелегко – он вынужден был снова просить Совет о помощи.

Вся проблема состояла в том, что армии в империи как таковой никогда не было. Была императорская гвардия, каратели – элитное формирование для подавления или полно-

⁶ Акилоровская сталь – сталь самого высокого качества. Благодаря особой технологии изготовления отличается своеобразной внутренней структурой, большой твёрдостью и упругостью.

го уничтожения любого протестного явления в государстве и подразделение воздушных стражей «летуны», охраняющие с воздуха границы Эфранора и прилегающие к нему поселения.

В каждой квоте было свое небольшое вооруженное формирование, которое контролировало соблюдение законов и устанавливало власть шактов⁷. Как правило, начальниками этих гарнизонов были не особо знатные и небогатые дворяне, что заставляло их дорожить своими должностями и обеспечивало лояльность правителю. С их помощью подавлялись бунты, карались виновные, устанавливались порядки в пределах квоты.

Самой серьезной военной силой были корпуса Пяти Великих Домов. Собственно говоря, это и была армия, неизменно стоящая на защите государства и правителя, но напрямую не подчиняющаяся его величеству императору.

– Димостэнис, ты отдаешь отчет своим словам? – начал глава Дома Иланди. – Ты называешь кучку отщепенцев княжеством, которое ни его величество, ни правящие Дома так и не признали, и говоришь, что они готовы посеять смуту и начать войну в империи? Ты от них просишь защиты?

Димостэнис прикусил губу. Вот что означало их спокойствие – они не собирались ни в чем уступать. Просто ждали,

⁷ Сила Шакти – энергия, которой наполнен мир Элиаса. Существуют четыре нерушимых столпа силы. Вода, огонь, воздух, земля. Человека, способного управлять энергиями стихий называют шакт или одаренный.

когда наконец придет их черед ставить на место через чур зарвавшегося мальчишку.

– Около шестидесяти аров назад Совет тоже так считал? – он вздернул подбородок, готовясь к бою. – Когда Мюрджен отвоевал часть земель и увеличил количество отщепенцев, признающих их право на суверенитет.

– В те ары в стране шла гражданская война, – парировал Олафури, – а после трагической и неожиданной гибели его величества Стефана нам стало не до них. Им просто повезло.

– Астрэйелль и сейчас на грани гражданской войны! – воскликнул Дим. – Мы зависли в хрупком балансе, любое даже самое незначительное происшествие может его пошатнуть.

– Димостэнис, – опять взял слово Лауренте Иланди, – но ты сам говоришь, что они якобы вербуют наших людей, чтобы потом послать их на войну с нами. Как может государство, не имеющее собственной армии на что-то серьезно претендовать?

– Кто сказал, что они не имеют? Разгрести гарь чужими руками всегда сподручнее и практичнее. Зачем Мюрджену ставить на первые линии своих подданных?

– Сэй⁸! – император подался чуть вперед. – Все же вспомнив о том, что произошло в те ары, когда Мюрджен захватил наши земли, мы не можем полностью отрицать доводы Димостэниса. Я считаю, что мы должны ввести войска на север и укрепить наши границы.

⁸ Сэй – обращение к высшему сословию, приближенному к императору.

– Ваше величество, – вступил в дискуссию Конлет Элсмиретте, – доводы сэя Иланди младшего, – советник с особым удовольствием выделил последнее слово, – строятся всего лишь на его предположениях. Этого слишком мало в данном вопросе.

– Возможно, если бы двадцать восемь аров назад у Совета Пяти были хотя бы предположения, моя семья не была бы убита, – ледяным тоном ответил ему правитель Астрэйелля. – Разве это было не в обязанностях, уважаемых сэев советников оберегать императора и всех членов его семьи от подобного? Разве вы не утверждаете, что ваши формирования стоят на защите государства и моих интересов и что войска любого Дома выступят по первому моему приказанию.

Из своего рода Аурино был последний, и он в отличие от своих предшественников не имел даже представителей его же семьи, на которых он мог опереться, если ему понадобится бы помощь. Несмотря на свой сильный дар, он не смог бы противостоять, вздумай Совет Пяти встать против него всей мощью и поддержкой своих Домов. Поэтому молодой император был вынужден терпеть давление советников и делить с ними власть.

– Однако я всего лишь прошу вас, отправить часть ваших полков на границы и оберегать империю от нашествия врагов.

– Ваше величество, вы ведь отдаете себе отчет в том, что значит перебросить такое количество людей в другое место.

Разместить их, кормить, содержать. Ваша казна выдержит такое испытание? В последнее время вы слишком много травились на создание благоухающей мирной жизни. Пока казначеи вашего величества не научились добывать золото из воздуха.

– Это вложения, – стиснув зубы, опустил император до объяснений своих поступков. – Когда я закончу обустройство жизни моих подданных и введу новые налоговые реформы, они покроют все издержки.

– Они всего лишь вечно смердящее быдло, вряд ли жители нижних кварталов оценят ваши новшества. Им легче будет вновь опуститься на дно своего болота, чем платить за более цивилизованную жизнь.

– Ваше величество, – в первый раз за весь разговор взял слово Талал Дайонте, – Почти семьсот аров назад ваш мудрый предок, император Стеллар издал указ, где он призвал пятерых глав самых преданных ему Домов встать на защиту его интересов, быть подмогой и опорой ему и будущим наследникам. Как я уже сказал, ваш далекий прадед был очень мудр, и он понимал, что молодость и горячность еще никогда не доводили до хорошего. С тех пор опыт и знания стоят на защите трона и своего правителя. Мы прекрасно понимаем ваше стремление идти вперед и увековечить свое имя среди славных предков, но поверьте иногда лучше излить свой пыл на что-нибудь более мирное. Грядут Большие гонки, состязания, турниры.

Мальчики могут взять деревянные мечи и поиграть в войнушку, пока взрослые мужи будут заниматься настоящими делами.

Император застыл бледным изваянием. Лишь изящные крылья носа едва заметно трепетали от переполняющей его ярости. И тонкие пальцы судорожно сжимались, словно он физически пытался удержать в себе энергию стихий, которые прозрачными разгневанными змеями вились вокруг него.

– Если это все, о чем вы хотели нам поведать, ваше величество, позвольте нам откланяться.

Когда за советниками закрылась дверь, Димостэнис тяжело опустился на стул, положив руки на безупречную поверхность стола и склонив на них голову. Молчал Аурино. Тишина звенела. Выворачивала душу на изнанку. Давила. Тишина пролегла между двумя людьми, оставшимися в зале. Сводила с ума, но ни один из них не желал разрушить ее первым.

– Я дал тебе и твоей службе полномочия и власть, – тихий голос императора разорвал гнетущее безмолвие, – и все, что ты можешь дать мне в ответ – всего лишь твои предположения?

– Это не всего лишь предположения. Это куски одного единого целого. Просто пока я не могу их собрать и представить полную картину. Однако, ваше величество, я опасюсь, что, когда это произойдет, будет уже поздно, – Димостэнис поднял глаза на правителя.

– Я просил тебя избавить меня от них! – Аурино не хотел слышать. Бессильная ярость, в которой он пребывал, не позволяла ему думать ни о чем, кроме пережитого унижения, – в последнее время ты наоборот только и делаешь, что даешь им повод тыкать меня своим вездесущим всесиливием!

Дим задохнулся от возмущения.

– Если ваше величество недовольны моей службой, я подам в отставку, как только вы скажите, – отчеканил он, не опускаясь до оправданий.

Бешенство императора взметнулось, высвобождая энергетические потоки. Плетение остановилось прямо перед носом главного советника, сверкающее, переливающееся гранями всех стихий. Настолько разрушительное в своей сияющей мощи, что Димостэнис даже не сделал попытки закрыться от него. К тому же его аура, вновь принявшая свой обычный рваный вид, вряд ли справилась бы с таким выплеском силы.

Правитель Астрэйелля прикрыл глаза, и его поза стала чуть более напряженной. Нити плетения стали истончаться, освобождая друг друга, исчезли, растворились в воздухе, вспыхнув ярким пламенем в огневиках, развешенных по стенам.

Аурино медленно прошелся вдоль стола и остановился у карты.

– На севере все так серьезно? Наместник и в правду лишь формально признает власть императора? Если каждая квота

вдруг захочет отделиться, то я и вовсе останусь без империи.

Димостэнис тоже сделал вид, что не заметил, как его едва не растерли между энергетическими потоками, и встал рядом со своим правителем.

– Если быть откровенным, – он чуть усмехнулся, – я, конечно, сгустил краски, чтобы попугать советников. Жители севера слишком инфантильны, чтобы самим что-то менять. Им нужен хороший поводырь, за которым они могли бы пойти.

– Ты считаешь, что Мюрджен может таковым стать?

Дим уверенно кивнул.

– Думаешь, у них хватит на эти силы?

– К сожалению, о долине у нас все также предельно мало знаний. Однако я знаю точно две вещи: они отнюдь не слабы и готовят нам что-то очень каверзное. Советники же так увлеклись нашими внутренними противоборствами, что не желают понимать на дне какой пропасти мы можем оказаться.

Аурино задумчиво обвел на карте пальцем небольшой участок суши, застывший в бесконечных водах морей, зажатый меж скал и называющий себя отдельным княжеством.

– Или понимают, – на его губах появилась жесткая складка, – и даже ждут, чтобы сложилась такая ситуация. На севере начнется бойня. Пограничные войска не справятся, и война распространится дальше. Я окажусь неспособным правителем, в очередной раз расписавшимся в своей слабости, а

они в который раз устранят возникшую проблему.

Димостэнис молчал. Что тут скажешь? При таком раскладе, отчего самим советникам не организовать «маленький бунт» на севере, чтобы доказать свою нужность для государства?

– Я дам тебе два полных отряда из своих «летунов» и по две сотни гвардейцев – пеших и конных. Больше не могу. Да и благородные сэи начнут опять выступать против.

– Спасибо, – преклонил голову главный советник, – гвардейцы усилят границы на севере, хотя вряд ли смогут надолго задержать неприятеля, если все же Мюрджен дерзнет напасть на нас. А вот девяносто хорошо обученных сильных шактов на боевых ярхах – отличная поддержка для контроля ситуации с воздуха. Они наш основной козырь. К тому же хорошие гонцы для своевременной передачи новостей.

– Что могу, – выдавил из себя бледную улыбку правитель Астрэйелля.

Иланди еще раз склонил голову, для пущей верности приложив руку к хьярту. Аурино скривил губы.

– Знаешь, – медленно произнес правитель Астрэйелля, – я считаю Стеллара скорее слабым на голову, чем мудрым. Если у него не получалось править в одиночку и империя была тяжелым грузом, отчего ему было не ввести Совет, как временную меру? Пока его сын не вступил бы в свою силу и права наследования. Как он мог так обойтись со всеми своими потомками? Почему он не дал даже шанса всем остальным

наследникам династии проявить свою истинную сущность?

Император сделал несколько шагов по зале.

– Ты знаешь, какое мое главное желание, Димостэнис?

Собеседник кивнул.

– Я хочу навсегда избавиться от Совета Пяти. Чтобы ни у них, ни у кого бы то ни было никогда больше не возникала мысль, что меня можно не послушать!

– Уверен, что за столько аров их правления накопилось много всего, что помогло бы тебе исполнить твое желание. Если бы получить доступ к кабинету Дайонте!

– Почему Дайонте?

– Потому что именно его род является хранителем знаний. Им же надо передавать своим преемникам все то, что они делали и что делали их предки. Конечно же в каждом Доме есть что-то свое, но общее связанное с управлением государства должно храниться в каком-то одном месте, запрятанное от посторонних глаз.

Император молчал несколько мен, задумавшись.

– Не могу не согласиться с твоими рассуждениями, но это слишком опасная авантюра. Если Дайонте поймает воришку, забравшегося к нему в дом и поймет, что мы в этом замешены станет лишь хуже.

Дим потупил глаза. Император остановился напротив своего главного советника.

– Пять аров назад, когда я просил тебя о помощи, я сказал, что ты единственный кому я могу доверять. Ничего не

изменилось...

Глава 2

– Осужденные! По законам княжества вы приговариваетесь к смертной казни через повешение. Приговор обжалованию не подлежит и будет приведен в исполнение незамедлительно. У вас осталось совсем немного времени, чтобы помолиться Зелосу и попросить его открыть для вас Врата в Небесную гавань, так как даже...

– А если я не согласен с таким приговором?

Вопрос внес некую свежесть в восприятие окружающей действительности и отвлек от происходящего. Капрал, огласивший решение суда и решивший поиграть в проповедника, недоуменно закрыл рот и посмотрел на осмелившегося дерзить смертника. Хотя, судя по его лицу он представлял последнего уже стоящего у тех самых Врат и получающего смачный пинок за свои грехи.

Идущий впереди осужденный остановился и с удивлением обернулся. Глядя на выражение его лица, нельзя было сказать, что он боится только что озвученной участи или хотя бы опечален. Скорее он был задумчив, как человек, который прокручивал в голове важную задачу и никак не мог определить, как сопоставить все составляющие уравнения, чтобы прийти к наиболее верному решению.

Дерзкий выскочка стоял третьим. Первый слегка досадливо поморщился и посмотрел на веревку, которой был скреп-

лен со своим напарником по несчастью. В отличие от него руки идущего с ним в связке были связаны спереди, но два дня проведенные в одной камере давали ясное представление, что тот не будет дергаться и пытаться что-либо изменить в своей судьбе. Несчастный лишь мелко дрожал, а грубое рубище, в которое тот был облачен так же, как и другие узники, уже поменяло цвет от пропитавшего его пота.

Хэлл⁹, дьявол его побери! Жара невыносимая и Талла шпарит так, что казалось еще немного, и кожа начнет покрываться волдырями.

Интересно, на чем взяли такого тюфяка? Первый еще раз бросил взгляд на своего «напарника». Хотя нет, не интересно. Его участь уже решена. Зачем думать о том, кто скоро перейдет за врата Дома Зелоса?

– А если я не считаю, что суд, на котором даже не присутствуют обвиняемые, является справедливым? Я офицер и требую...

Кожаная перчатка с металлическими вставками врезалась в губы говорившего, заставляя его замолчать. Парень облил губы и сплюнул кровь.

– Бить связанного, – бросил он злой взгляд на капрала, – а ты развяжи и попробуй повторить. Я тебе обещаю, одной руки ты не досчитаешься.

Хрясь!

Металл безжалостно врезается в скулу и отбрасывает пар-

⁹ Хэлл – самый жаркий месяц года.

ня на шаг назад. Он спотыкается об идущего за ним в связке и падает на землю.

По губам первого пробегает едва заметная улыбка. И почему Боги не послали ему такого напарника? Третий, умело делая вид, что запутался в веревке и ногах рядом стоящего человека, неловко падает на спину, закрывая собой связанные руки. Едва заметный энергетический всплеск. Не для каждого одаренного такие эманации будут ощутимы, но тот, кто всю свою жизнь боролся за каждую кроху силы, почувствовал выброс, и чтобы не привлекать внимания, отвернулся. И как стражи пропустили такие способности у этого парня?

Капрал потянулся к упавшему узнику, грубо хватая за рубаху, пытаясь вернуть в вертикальное положение. Удар в затылок отбросил его назад. Пленник рывком поднялся на ноги, сбрасывая порванные путы и встряхивая затекшие кисти. Пинок в живот и страж отлетает еще на несколько шагов. Конвоиры опомнились, рванули к осужденным.

Вспыхнули, разгорелись едва тлеющие факелы в нишах крепостной стены. Ветер подхватил искры и закружил их в вихре, огораживая четырех связанных людей от остального мира.

В серебристом свете Таллы в руках парня сверкнул клинок, который он отобрал у незадачливого капрала. Первый растер слегка онемевшие руки и коротко кивнул своему освободителю, благодаря. Бросил взгляд на своего напарни-

ка по камере. Тот сидел на земле, подтянув к себе ноги, и жалобно причитал.

– Вставай, надо убираться отсюда, пока они не разобрались что к чему и не успокоили вихрь, -

парень протянул ему руку. Тот лишь замотал головой и попытался отползти от человека, предлагавшего помощь.

– Они нас убьют, – всхлипывал он, – убьют. Всех.

– А до этого они что собирались сделать? – фыркнул парень.

– Не трать время, – жестко оборвал его попытки первый, – он сам выбрал свою судьбу.

Третий бросил на него взгляд исподлобья, но спорить не стал. Повернулся к тому, кто был с ним в связке.

– Ты с нами?

Тот кивнул, хоть и было видно, что напуган. Совсем еще мальчишка. И как его занесло на эти стены?

– Ты знаешь куда теперь? – спросил первый.

Парень пожал плечами и указал вперед.

– Сначала – уберемся отсюда, – и смело вошел в стену уже начавшего стихать вихря.

– Кстати, откуда это? – спросил он.

– Мне почем знать?

Прозвучало почти искренне.

Третий еще раз обернулся. Искры огня уже погасли, и ветер гонял по кругу лишь едва заметную серебристую пыль. Он нахмурился, поднял глаза на Таллу. Звезда все так же,

не скупясь, бросала свои серебряные лучи с неподвижных серых небес. Хэлл, дьявол его поberi!

Вырвавшие у судьбы еще один шанс люди мчались, не обращая внимания ни на хлесткие плети жары, безжалостно жалящие уже сгоревшую кожу, ни на воздух, который раскаленной лавой поступал в легкие, ни на отсутствие воды, которую они не получали вдоволь уже несколько дней. Лишь бы не схватить стрелу в спину.

– Все, – задыхаясь, третий оперся на стену, – здесь. Это здесь.

Остальные в немом вопросе уставились на своего проводника.

– Мы будем спускаться здесь, – парень сполз по стене на корточки, пытаясь восстановить дыхание.

– И чем этот кусок стены отличается от той, у которой мы были? – возмущенно взревел первый, подтянувшись на руках и осматривая пропасть, открывшуюся его взору.

Это ограждение было внутренним и по сравнению с первой стеной, вплавленной в скалы, величавым безмолвным стражем охраняющей границы княжества от своей соседки – империи, казалось меньшим братом. Невысоким и изящным. Только не тогда, когда ты стоишь на самом верху, а за спиной десятков разъяренных стражей, у которых лишь одно на уме – утыкать тебя арбалетными болтами, как подушечку для иголок у искусной мастерицы-вышивальщицы.

– Здесь нет стражей, – ответил парень и тоже поднялся

на ноги, – зато здесь больше растительности и мы сможем спуститься.

Беглецы повернули головы на то, что он назвал растительностью. Это были деревья высотой более двадцати еров¹⁰, переплетающиеся между собой гибкими ветвями, на которых росли длинные, уже пожелтевшие от жары листья, скрывающие небольшие красные ягоды, гроздьями растущие то тут, то там и робко выглядывающие из-за своего укрытия. Самым примечательным были шипы, длина которых была размером с ладонь, а иногда больше. Точно такие же иглы окольцовывали всю поверхность ствола – от корней до самой вершины.

– Шипы на ветвях у самого ствола. Если хвататься за более тонкие части они не представляют опасности.

– Есть еще варианты?

Мальчишка вдруг вскрикнул и стал медленно оседать на камни. Из его груди торчала стрела.

– Можно еще так, – едко ответил проводник.

Стрела чиркнула о камень у его ноги.

Голоса приближающихся стражей. Стрелы, вспарывающие раскаленный воздух.

– Давай! – заорал парень и присел.

Там, где только что была его голова, ударился тяжелый болт, выбивая искры из камня. Первого больше не надо было уговаривать. Упруго оттолкнувшись от земли, он прыгнул вверх, едва коснувшись спины своего напарника, взле-

¹⁰ Ер – мера длины, равная примерно одному шагу взрослого человека.

тел на стену. Краем глаза заметил, что стражей прибыло и стало гораздо больше, чем было на месте казни. Распластался на камнях и протянул руку, оставшемуся внизу. Парень схватился за нее и ловко забрался на ограждение, отделяющее их от свободы.

– Ориф, – вдруг произнес он и, поймав в ответ удивленный взгляд, пояснил: – вдруг еще встретимся внизу.

– В жизни не встречал большего оптимиста, – хмыкнул тот. – Дим.

В них летел град болтов, один из них задел Орифа, и он с криком соскользнув со стены, стал падать вниз. Дим резко наклонился, пытаясь поймать парня, краем глаза отмечая движение у своего лица. С досадным стоном отклонился, теряя надежду успеть помочь своего новому знакомому. Это заняло все оставшееся у беглеца время. Он собрал себя в тугой комок мышц и с силой оттолкнулся ногами от камня.

Как и обещал Ориф, ближе к концу ветви шипов не было. Зато она оказалось на удивление скользкой и ненадежной. Ладони не задерживаясь, скользили по гибкой лиане.

Хлясь!

Только что бывшая в руке ветвь плетью ударила по лицу, скидывая с себя ненужный груз. Человек полетел вниз, пытаясь зацепиться хоть за что-нибудь, чтобы остановить падение.

Руки поймали еще один упругий хлыст. Кожа на ладонях начала трескаться от трения. Дим перехватил пальцы, зажи-

мая спелые ягоды, которые не замедлили выстрелить соком прямо в лицо. Глаза защипало. Ладони невыносимо горели. Он снова соскальзывал в пустоту, пытаясь найти опору ногами.

Получилось. Одна стопа встала на прочную ветвь. Не веря своей удаче, беглец осторожно передвинулся, ставя вторую ногу.

Что-то чиркнуло совсем рядом. Мимо пролетели клочья оборванных листьев.

Дим выругался. Он все еще был хорошей мишенью. Надо спрятаться в листве, иначе не избежать болта. Он переставил ногу, вторую. Подтянулся на руках, уходя вглубь дерева. Еще шаг. Взвыл. Зубы вонзились в губу, останавливая очередной крик. Опустил глаза. Из стопы торчал острый шип.

Он сделал глубокий вдох, рванув ногу, освобождая себя из очередного плена. В глазах потемнело. Мокрые ладони не выдержали груза тела, и он снова полетел вниз.

Очередной шип вспорол рубаху от плеча до самого рукава. В первый раз за все это время Дим благодарил небеса за то, что на нем это рубище. Иначе вместо этого тряпья была бы кожа. Ветви хлестали, затормаживая падение. И когда очередной лист своим острым концом расписался на его лице, он увидел просвет и приближающуюся землю.

Нескольких мгновений хватило, чтобы сгруппироваться и чуть поменять положение тела. Дим зацепился за каменный выступ и повис на стене. До земли было уже не так далеко,

но и не настолько близко, чтобы не задуматься о своей неза-
видной участи.

Пальцы мокрые от крови и сока ягод начали соскальзы-
вать, он попытался поддержать себя ногами. Ступня нашла
выступ. Дим встал, перенесся на нее вес тела. Боль продрала
казалось до самых волос. Рука соскользнула, и он покатился
вниз по земле.

Можно было порадоваться, что закончилась стена, но зем-
ля, высохшая за долгие дни жары, была не мягче камня.

Дим катился вниз, не в силах что-либо изменить, остано-
вить это барахтанье. Булыжник, твердая как камень земля,
крошево камней, корни деревьев. Булыжник, земля, кроше-
во, корни. Земля, крошево, камни. Камни, камни, камни.

Пыль, забивающая нос, рот, глаза.

Булыжник, крошево, корни.

Удар.

Дыхание выбило. Дим захрипел, ловя пересохшими гу-
бами остатки воздуха. Сейчас даже раскаленный, наполнен-
ный песком и пылью он представлял собой немыслимую цен-
ность.

В Бездну все эти камни! Чертово княжество со всеми его
секретами! В Бездну все предосторожности! Надо уносить
ноги. Он впился пальцами в землю, пытаясь найти источник
энергии.

Земля была пуста. Словно Талла иссушив все вокруг, за-
брала и силу.

– Не может быть! – пробормотал Дим, слушая стихию. – Как они сделали это?

Он застонал и откинулся назад. То обо что он со всего маха ударился спиной, оказалось каменным ограждением рва, отделяющим внутреннюю стену от основной.

Дим сел. Поднял голову, посмотрел наверх. Ни стрелы, ни болты не долетят сюда. Конечно, стражи спустятся вниз и будут прочесывать окрестности в поисках возможно уцелевших. Вот только вряд ли они это будет делать таким же способом как он, значит несколько мен¹¹, чтобы перевести дух у него есть.

Вжииик!

В двух ладонях от головы в ограждение врезался болт. И остался торчать, мелко вибрируя. По камню пошли трещины, посыпалась крошка. Дим замерев, смотрел на это чудо-вище. Стационарные арбалеты. Он успел их заметить еще когда его вели от камеры до места казни. Однако даже представить себе не мог убойную силу и дальность выстрела.

– Чтобы вас всех Летта¹² забрала в свои вечные объятия! – самым искренним тоном произнес он.

Пожелание касалось в первую очередь всего княжества, не в меру ретивых стражей, мощного оружия. Крепостей, стен и «высушенных зон», о которых он никогда ранее даже не слышал. Того, кто послал его на эти стены, чтобы приоткрыть

¹¹ Мена – период времени равный шестидесяти мгновениям.

¹² Летта – богиня, владычица душ умерших.

завесу тайны, окружающей долину. Безмозглого лошака. Каким конкретно он, как оказалось, являлся.

Отучившись десять аров¹³ в классах Астрэйелля для одаренных силой Шакти и посвятив большую часть своей жизни изучению энергопотоков, он даже не мог себе представить, что есть учение отличное от имперского.

Когда Дим увидел нити четырех стихий переплетенные между собой в причудливый узор и опутавшие стены крепости, он был уверен, что для него, видевшего и умеющего управлять потоками энергий Элиаса, не составит ни малейшего труда разобраться со всеми этими плетениями. Тем более что можно было ожидать от недоучек, возомнивших себя равными великой империи?

Возвращение в себя было долгим и мучительным. На каменном полу, в узкой камере, с цепью на руке соединенный с другим «счастливчиком». Хьярт¹⁴ сжался и словно его вообще не было. Энергия, которая прошла сквозь него, когда Дим вступил на территорию защитного контура, выжгла все его силы. Через несколько дней ему предъявили обвинение в шпионаже и объявили об участии, которая его ожидает. Если бы не Ориф, еще неизвестно как все закончилось бы. Ко-

¹³ Ар – период времени равный двенадцати минорам.

¹⁴ Хьярт – орган, наподобие второго сердца у шакта, расположенный чуть ближе к грудной клетке. Отличие хьярта от сердца в том, что тот не подпитывается кровеносными сосудами, так как основа его жизнеобеспечения – энергия, подвластная одаренному. Чем сильнее хьярт, тем больше возможностей у его носителя.

нечно, за эти дни хьярт почти пришел в норму и он смог бы воспользоваться энергией стихий, если бы не эта камера, изолированная от всех источников.

Дим не стал дожидаться пока следующий болт все же пригвоздит его к земле и начал отползать туда, где растительность была гуще, и он мог рассчитывать хотя бы на временное прикрытие.

Проткнутая стопа онемела, и нога не чувствовалась по самое колено. Опираясь на локти, он полз вдоль рва, надеясь наткнуться хоть на крупинки силы.

Наткнулся он на Орифа, который лежал не так далеко от того места, где приземлился сам Дим. Парень не двигался и не подавал никаких признаков жизни. И в отличие от него самого мюрдженцу повезло гораздо меньше – он ударился головой. Его волосы, лицо покрывала толстая маска крови, смешанная с пылью.

– Эй, – позвал Дим.

Ответа не последовало. Он дотянулся до шеи, нашел пульс. Тот бился. Ровно и довольно ощутимо. По крайней мере, для умирающего.

– Эй, – повторил он и несильно ударил парня по щеке.

Тот не шевелился. Дим ударил еще раз. И еще.

Пока Ориф не застонал и не открыл глаза.

– Я же сказал, еще свидимся, – он облизнул пересохшие губы.

– Ты лучше скажи, куда нам дальше.

– Куда? – удивился напарник по злому року, – а здесь есть много путей? Либо назад, либо в воду.

Дим, опасаясь выдать себя, вытянул шею и заглянул в ров. Вода искрила силой, бурлила, словно пытаясь пробить камни и вырваться наружу.

– Давай, – Ориф подтянулся и сел, – нет времени тянуть. Как прыгнешь, первый поворот в тоннель, уйдем под скалы, а дальше держись меня. Авось свидимся на том берегу.

Дим усмехнулся, подтянул раненную ногу, перевалился через камни, краем глаза успел заметить первых стражей и упал в ров.

В отличие от земли, вода была переполнена силой Шакти. Одаренный попытался взять, то что принадлежало ему, но и тут его попытки оказались тщетны. Стихия огрызнулась и больно ударила чужими плетениями. Тяжесть навалилась на грудь и стала тянуть ко дну.

Дим увидел Орифа знаками показывавшему ему уходить глубже. Он последовал совету, первый раз в жизни стремясь не «к» желанной силе, а «от», спасаясь.

Тоннель, о котором говорил Ориф, находился не так уж и близко. Глубина тянула в свои объятия, легкие разрывало от боли. Кругом лишь непроглядная темень, куда не проникали лучи Таллы, черные скалы, ушедшие корнями в подземные воды и безмолвная мощь, глумливо предрекающая скорый конец.

– Это самое большое водохранилище, – произнес Ориф,

когда они наконец увидели небольшой просвет и устремились к нему. Правда, особо радоваться не приходилось. Хватило места лишь для того, чтобы поднять лица над водой и жадно хватать долгожданный воздух. – Рассчитано на несколько миноров в случае затяжной осады.

Больше не разговаривали, берегли силы.

Отдышаться. Набрать больше воздуха в легкие. Уйти в темень.

Гребок. Руками, ногами. Забыв о боли. Всем телом. Зубами цепляясь за воду.

Просвет. Жадные глотки воздуха. И снова темень. Сколько раз они ловили эти просветы, устремляясь туда, где жизнь давала очередной шанс, уже трудно было сосчитать.

Наконец лучи Таллы прорезали темную гладь воды. Беглецы устремились туда, собрав остатки сил. Едва живые от усталости выбрались на берег небольшого озера, затерявшегося в густой растительности у южной стороны скалы.

У виска Орифа висел огромный лоскут кожи, открывая рану, из которой уже снова начала сочиться кровь.

– Стесал о камни, – произнес он, заметив взгляд Дима, – думал, голову размозжу себе о них, едва успел увернуться. Ты как?

– Проткнул ногу шипом дерева. Стопы почти не чувствую. Как ты узнал об этом месте?

– А я не знал, – парень пожал плечами, – я случайно увидел карты. Водохранилище уходит далеко под скалы и выхо-

дит в Скалистое море. Я только видел точку, означающую, что там есть поворот и прикинул, что толщина скалы в этом месте не особо большая. Если свернуть в этот тоннель, то он выведет из крепости.

– Не все подземные воды выходят на поверхность, – Дим недобро посмотрел на человека, которому так безрассудно доверился. – Здесь мог быть тупик.

– Нас собирались повесить, – напомнил ему Ориф.

Дим отвернулся, с трудом сдерживая себя. Не убивать же его здесь!

– Вряд ли кто сунется за нами тем же путем. Но если, как ты говоришь, этот тоннель обозначен на карте, понять, где мы не сложно. Надо убираться отсюда. На отдых времени нет.

Ориф кивнул. Снял рубаху, оторвал лоскут ткани, смастерил повязку на голове, закрывая рану. Дим повторил его манипуляции, перевязал стопу. Ногу невыносимо пекло, и каждый шаг отдавал болью.

– До границы нужно успеть до рассвета, – Ориф скосил глаза на хромающего напарника.

– Только не говори, что у тебя есть план, – Дим отставая на полшага, досадливо морщился каждый раз, когда под ногу попадался камень.

– Нет, но, если не успеем до того, как Талла взойдет на небосклон, нам не пройти незамеченными. Темнота наш единственный помощник.

Беглецы обогнули озеро и вышли к полосе, за которой начинались земли империи. Как таковой черты никакой не было. Границей была крепостная стена, отделяющая одно государство от другого, которую возвел Мюрджен, закрываясь от Астрэйелля.

Прячась за редкими деревьями, бывшие пленники наблюдали, как марширует патруль на стене, отсчитывая ровные неспешные шаги.

Один. Два. Три.

Три стража вооруженные тяжелыми арбалетами для дальней стрельбы, остановились на несколько мен, осматривая вверенную им территорию, и пошли дальше. Через десяток еров их действия повторила вторая тройка стражей, а чуть дальше можно было увидеть еще несколько троек шагающих друг от друга на установленном расстоянии.

Едва первые скрылись за поворотом, как навстречу вышла новая тройка, так же ровно чеканя шаг.

Дим раздраженно поцокал языком.

– И что так всегда? – спросил он у своего спутника.

– Нет, – тот покачал головой, – есть еще патрулирование на земле. Их меньше. Но как только они появятся – мы попали. Нам не разминуться.

– Тогда пора.

Дим старясь держаться редких кустарников, осторожно двинулся вперед. Кусты закончились до обидного быстро и до следующей полосы растительности, пусть редкой, но все

же дающей хоть какой-то шанс прошмыгнуть мимо стражей, было еров десять, не меньше.

– Ползком, – прошептал Ориф.

Дим и сам это понял и, распластавшись по земле, бросил последний взгляд на стену.

– Здесь везде эти монстры? – он имел в виду те огромные махины, в которые заряжались от двух до десяти болтов сразу и били на дальнюю дистанцию. Его путник понял без пояснений.

– Обычно да. Здесь самая узкая линия «нейтральных зон» между княжеством и империей.

Ползти по открытой местности под носом у десятка стражей, в любой момент ожидая быть пригвожденным к земле, занятие не из приятных. Одна радость – Талла все еще гостила за небосводом и двое беглецов в серых неприметных рубищах отчасти сливались с посеревшей от жары землей, от всей души надеясь, что десять еров это не цена жизни.

Все же им удалось. Дим, который был впереди, шмыгнул в кусты, оглянулся на Орифа, ползущего рядом, и начал осторожно подниматься.

Перед самым лицом зависло острие даггера.

– Хорошо ползли, ребята, – в голосе говорившего слышалось веселье, – мы аж залюбовались. Даже мешать не стали. Вставай. Представление завершено.

Дим медленно разогнулся и поднял глаза на первого стража. Рядом стоял второй, чуть сзади держа арбалет в руках,

болтом вниз – третий. Незаметно перенес вес тела на одну ногу, второй со всей силы ударив стража по лодыжке. Хруст кости. Саданул локтем в ухо, останавливая крик.

Легкий прыжок, нырок под занесенную с клинком руку второго противника, поворот и он уже стоит сзади. Отточено и стремительно. Словно танец. Каждый шаг, как хорошо заученные па. Короткий удар. Ребро ладони уверенно нашло точку на шее у основания черепа. Так и не успев понять, куда упорхнул только что стоявший перед ним противник, страж начал заваливаться на землю. Дим выхватил висящий у того на поясе длинный кинжал и, ловко прокрутив рукоять в своей ладони, метнул назад в третьего врага. Упал, перекатом уходя от возможного арбалетного выстрела. На мгновение замер, оценивая ситуацию. Плавно поднялся на ноги, выдернул клинок из груди стража и запустил в сторону застывшего Орифа. Нож вошел в землю рядом с сапогом напарника.

– Пора уносить ноги.

Из-за поворота показалась новая тройка стражей.

– Прикрой нас! – быстро бросил Дим и, прыгнув назад, схватил валявшийся арбалет и колчан с болтами.

Рядом с лицом, чиркнув о невидимую преграду, заскрипев от бессилия, упала стрела.

Вокруг Орифа вились плетения, образуя щит, прикрывающий двоих беглецов. Дим сделал выстрел, почти не целясь, чуть притормозив преследователей. Ориф мчался к лесу, Дим не отставал, стараясь держаться как можно ближе к

одаренному. Град болтов и стрел летел следом, все так же бессильно врезаясь в щит и опадая на землю. Иногда Дим огрызался одиночными выстрелами, но только для того чтобы охладить пыл погони и чуть сбить скорость у врага.

Лес приближался отчаянно медленно, хотя двое преследуемых и неслись со всех ног, понимая, что только в нем их спасение. Мелькала под ногами земля. Кое-где вместо трещин и сухого песка начали появляться островки пожухлой от жары травы. То тут, то там встречались кусты, цепляясь своими лапами-шипам за одежду людей. Все больше овражков и буераков предательски скрывались под опавшими листьями.

Преследователи растянулись, окружая. В щит со всего маха врезалось чужое плетение, проламывая единственную защиту. Орифа качнуло. Парень сжал зубы, выправляя дыру. Он все чаще спотыкался и уже не мог держать заданный темп.

– Я долго не продержу, – прохрипел он.

– Вижу, – Дим оценил расстояние до леса, – сколько сможешь.

Ориф оступился и упал на колени. Дим схватил его за рубаху, рывком поднимая на ноги. Перед самым носом чиркнула стрела, срезая прядь волос со лба. Щита больше не было. Осталось лишь уповать на везение и милость Богов.

Дим выпустил последний болт, отбросил ненужный арбалет. Лес манил своим величавым спокойствием и обещани-

ем защиты.

Очередной снаряд просвистел совсем рядом и ударившись о ствол, отскочил. Беглецы влетели под спасительный свод деревьев и, не останавливаясь, помчались дальше. Ветви безжалостно хлестали по лицу, по рукам, жали глаза, цепляя волосы.

Бешеный стук сердца о грудную клетку отдавался в ушах. Каждым хрипящим вздохом, каждым ударом сапога о землю, свистом разрывающихся легких. Мелькание листвы, серебристые лучи восходящей Таллы, хруст веток под ногами. Свист болтов, крики преследователей. Единственная цель – уйти, как можно дальше.

Ориф споткнулся об очередную корягу, скрывающуюся в густой траве, и полетел вперед. Вытянул руки, пытаясь затормозить падение, но вместо твердой земли поймал лишь пустоту и кубарем скатился в крутой овраг. Дим успел затормозить. Выругался сквозь сжатые зубы, сел на траву и, помогая себе руками и ногами, заскользил вниз.

Напарник по несчастью лежал на дне оврага, раскинув руки, подставляя тело под потоки уже начавшего прогреваться воздуха.

– Твоя стихия – воздух? – догадался Дим.

– Да, – Ориф открыл глаза. Сейчас в них был отчетливо виден ободок бледно голубого цвета возле самого зрачка. – Иначе я так долго не продержал бы щит. У меня не самый сильный дар.

– Ты хорошо нас прикрыл, – Дим растянулся рядом, с блаженством даря покой измученному телу. – Вроде оторвались. Не слышно шума погони.

– Граница. Сюда мюрдженцы не сунутся. Выпустят Диких.

– Диких?

– Прирученные волки. Их специально держат на всех пограничных постах. Они отлично умеют брать след, знают лес – опасные зверюги.

– Тогда надо убираться как можно дальше.

– Да.

Однако ни тот, ни другой не спешили вскочить на ноги и продолжить путь. Как бы ни была близка опасность – отдых был необходим. Просто вытянуться всеми костями, мышцами, осмотреть раны, набраться немного сил, остудить голову.

– Как тебе удалось скрыть от конвоя наличие дара? Ведь шактов охраняют по-другому.

– Пришлось крутиться, – неоднозначно хмыкнул парень.

Он сел, прислонившись спиной к толстому бревну, лежавшему рядом.

– Один из стражей – мой старый приятель. Мы с ним частенько кости бросали. Он был должен мне кругленькую сумму. Вот и помог. Нас доставили в караулку двоих. Тот другой был неодаренный, вот мой приятель, пока не разобрались, кто есть, кто отправил меня в другой корпус, вместо него, – он помолчал, а потом с самым невинным видом добавил: – видимо решил, что даже если долг отдать не успе-

вает, поможет делом. Есть же на свете хорошие люди!

Дим хмыкнул.

– Или ты пообещал ему, что скажешь своим друзьям, кто тебе остался должен, и они бы вытрясли из него эти деньги. А так и он при своих, и тебя все равно в петлю.

Ориф захохотал и не стал отрицать предположение товарища.

– Я закрыл хьярт от внешних источников. Всего несколько дней я ничем не отличался от остальных заключенных. Это было не сложно.

Дим приложил руку к груди, где мучительно ныло. Его хьярт обессиленный и опустошенный сжался в болезненный комок и отдавал тупой болью каждый раз, когда он пробовал дотянуться до него. И больше никак не реагировал.

Как не вовремя его дар снова решил поиграть с ним в прятки.

– Как ты вообще такой ловкий оказался в руках палача? – он в отличие от своего спутника не торопился подниматься и отрывать себя от земли. Пусть он не может сейчас проявить свою сущность, но даже просто лежать и чувствовать всем своим телом стихию, было невероятно приятно.

– Это история про разбитое сердце, – состроив скорбную физиономию, произнес Ориф.

– И? – Дим открыв глаза, с интересом посмотрел на собеседника. – Что случилось с твоим сердцем? Как оно привело тебя к виселице?

– Привело не оно, а комендант крепости. Вернее, его избранница. Мы с ней встречались уже несколько миноров. То ли он сам стал подозревать, то ли донес кто, но в один день мы чуть не попались. Мне пришлось бежать, в пылу я ничего не заметил. Уже у себя в комнате почувствовал, что в кармане куртки что-то лежит. Достал, а это секретная карта. Я не успел даже понять толком, что держу в руках, когда ко мне ввалились несколько человек, схватили, отняли бумаги, потащили в темницу.

– Это она тебе подбросила?

Ориф мрачно кинул.

– Она всегда говорила, что не хочет терять то положение и блага, которые имеет, будучи избранницей коменданта. И видимо решила, что мне болтаться в петле будет гораздо приятнее, чем ей возвращаться в родное село.

Дим улыбнулся и потянулся всем телом, скидывая усталость. Сел.

– А ты тоже парень не промах, – Ориф внимательно изучал его взглядом.

– В смысле?

– Мастер боя. Я видел нечто подобное. Уже очень давно. В классах Великих Домов. Случайно получилось.

– Падок ты на случайности, я погляжу, – Дим прищурился, слегка прикусив нижнюю губу. – Ты имперец? – спохватился он удивленно.

– Ты тоже не уроженец долины, – парировал собеседник.

– Ладно, пора уходить отсюда, пока на нас не спустили этих Диких.

В лесу было тихо. Нет, конечно, сам лес шумел. Птицы уже начали своей дневной концерт. То тут то там были слышны трели соловья, стук дятла эхом, разносившийся от дерева к дереву, где-то в глубине пела иволга, разливая нежные звуки флейты. Весело журчал ручеек, перешептывались листья, ворчливо хрустели ветки под ногами. Не слышно было звуков погони, лая псов, воя волков.

Правда и путники не стояли на месте, стараясь как можно дальше уйти вглубь леса, оторваться от погони, потеряться среди деревьев. Несмотря на усталость, бессонную ночь, жажду, голод они передвигались быстро, иногда переходя на бег, когда чащоба становилась более проходимой и деревья расступались, уступая им дорогу.

Формально они уже давно были на территории империи. Однако оба прекрасно понимали, что если это остановило стражей границы, то не помешает пустить в погоню следопытов. Беглецы постоянно оглядывались, пытаясь, уловить посторонние звуки или поймать глазом мелькание чьего-то силуэта среди деревьев. Иногда Ориф закрывал их щитом, так как опасность получить болт в спину была все еще реальна и заставляла двигаться все дальше и дальше, не тратя время даже на короткие передышки.

– Не трать больше силы, – Дим оглянулся на спутника, который был бледен, и его заметно пошатывало, – береги их

для себя. Нам еще идти и идти.

– Ты уверен, что мы идем правильно? – хрипло спросил тот и, последовав совету, распустил плетения, снимая защиту. – Талла скоро скроется за небосвод. Ночью легко потеряться в таком лесу.

– Она уходит туда, – напарник кивнул головой, вслед уходящей звезде, – к морю. Если все время удаляться от моря, мы выйдем на поселения Астрэйелля. Вот увидишь, утром Талла должна подняться прямо над нашими головами.

Снова вперед. Без отдыха. Не поддаваясь соблазну остановиться и набрать хотя бы горсть ягод, щедро разбросанных лесом по земле, кустарникам, низким деревьям, утолить голод, прибавить сил.

Только когда стемнело, беглецы решили сделать привал на берегу небольшого озерца, заросшего водорослями, травой, камышами. Прорвавшись сквозь густые заросли ивняка, путники подошли к самой воде. Напившись, они с удовольствием умылись, смывая грязь, пыль, кровь, осмотрели раны, вновь перевязали более-менее чистыми лоскутами ткани, оторванными от рубах.

– Не уходи без меня, – вдруг произнес Ориф, глядя на товарища по несчастью из-под упавшей на глаза челки.

– Боишься заблудиться? – хмыкнул Дим, не став отрицать, что новый знакомый прочитал его мысли.

Мюрдженец пожал плечами.

– Надо переодеться. А то далеко не уйдем.

– Главное дойти до законников. Там...

– Там нас продадут назад.

Дим резко повернулся.

– Ты о чем?

– О зарабатывании денег. Каждый делает это как может.

Двух странников одетых в рубище смертников, выдадут назад, получив хороший куш в виде золотых.

Напарник зло сузил глаза.

– Приграничные князьки скупают мюрдженский шелк, – не обращая внимания на вспышку гнева, продолжил Ориф, – он очень ценится у модниц империи. Владелец имения, один из тех, чьи земли тянутся вдоль восточных границ княжества, якобы имеет целую плантацию по выращиванию шелкопрядов. Чем он их кормит, интересно? К нему каждый минор идут обозы дорогого мюрдженского шелка, который он перепродает, выдавая за продукцию своего владения. А вино из черного винограда? Может, ты знаешь, где в империи растет такой? Только подвалы знати наполнены бочками этого напитка. Здесь все продается и все покупается. Мы в Астрэйелле!

– Много ты знаешь, – процедил Дим.

– Не сбегай. Как только дойдем до первого поселения, обещаю, я докажу каждое свое слово.

С этими словами Ориф устало опустился на землю. Немного повозившись, как человек явно не привыкший спать без каких-либо удобств, он все же устроился и затих.

Несмотря на не меньшую усталость, Диму не спалось. Слова Орифа будоражили нервы и душу. Что мог этот мюрдженец знать о Великой Империи?

Талла еще не осветила небо своими первыми лучами, но мир уже был полон той первозданной силой, которую природа щедро раздаривала в эти предрассветные сэты. Дим открыл глаза и сел. Он всегда любил это время суток. Силу можно было черпать пригоршнями, напитывать организм, купаться в ней, чувствовать себя почти Богом.

Он тихо встал, стараясь не разбудить своего спутника. Над озером поднималась серая дымка. Дим даже прикрыл глаза, борясь с искушением. Хьярт заныл. Он положил руку на грудь. Еще чуть постоял, оглянулся на своего напарника. Ориф спал. Судя по всему, этот парень не промах, не пропадает, а у него своя дорога.

Дим вышел из леса, поднялся на небольшой пригорок, осмотрелся по сторонам, щурясь от ярких лучей Таллы. Дома стояли совсем близко к лесу, он раздосадовано поморщился. Придется обходить деревню стороной. Или пройти сквозь селение, по окраине. Раннее утро людей еще мало. Был шанс остаться незамеченным и огромный соблазн скорее вернуться.

Однако, чем ближе он подходил к селению, тем чаще ему встречались люди. Жители деревни, крестьяне, мастеровые, смертные¹⁵, мальчишки, гоняющие пыль по обочинам доро-

¹⁵ Смертные – так в империи называют людей, не имеющих дара.

ги. Дим представил себе, как он выглядит. Оборванный, в царапинах и кровоподтеках, в непонятном сером рубище, изодранном и порванном на лоскуты для перевязок. Его провожали удивленными, даже испуганными взглядами. Он раздраженно покачал головой. Так кто-нибудь еще и стражу позовет.

Впрочем, то ли действительно жители не растерялись, то ли это был обычной утренний обход, но пройдя всего несколько домов, Дим наткнулся на двух всадников, одетых в форменные куртки законников и нашивками своей службы на рукавах. Его тоже заметили, насмешливо воскликнули и, натянув поводья, остановили лошадей, ожидая пока он подойдет.

– Мне надо поговорить с вашим старшим, – произнес Дим, слегка задрав голову, чтобы видеть того, с кем он говорит. Другого выхода не оставалось. – Именем императора.

– Слышишь? – тот усмехнулся и посмотрел на товарища, – с нашим старшим. И по какому же вопросу изволите, кир¹⁶?

– Да чего уже там кир, – поддержал его шутку второй, – уж целый сэй, наверняка. Ты не слышал? Именем императора.

Оба довольно загоготали.

Дим сделал полшага в сторону, приближаясь к одному из всадников, и неожиданно ударил коня по крупу. Животное, не ожидая такого подвоха, оскорбилось и обиженно заржав,

¹⁶ Кир – обращение к особам благородного происхождения, но не приближенным к императору.

встало на дыбы. Дим схватил растерявшегося всадника за ногу и с силой дернул, выбрасывая того из седла. Законник полетел на землю лицом вниз, не успев ничего предпринять.

Дим наклонился над ним.

– О своем статусе я буду говорить с твоим старшем, болван тупоголовый, а с тобой...

Сильный удар чем-то тяжелым по затылку не дал ему закончить свою мысль. Как в прочем и все остальные порывы. Он упал на колени, пытаясь повернуть голову. Второй удар сапогом в живот отшвырнул его от свалившегося с лошади законника, а третий удар в лицо и вовсе вышвырнул из этого мира.

Очнулся Дим в темной камере, лежащим на грязной воюющей соломе лицом вниз, со связанными за спиной руками. Были ребра, затылок ломил, рубаха стояла дыбом от засохшей крови и причиняла немало неудобств, особенно, когда он пытался поднять голову, чтобы осмотреться и понять, где он находится.

Губы пересохли, он попытался облизнуть их, но язык будто присох к нёбу. Дим с трудом перевернулся и сел, оглядываясь в поисках воды. Ее не было. Впрочем, как ничего другого. Кроме охапки соломы да маленького окошка под самым потолком, которое было открыто и сквозь него можно было разглядеть сереющее небо.

Он почувствовал, как бешенство вскипает в крови, вместе с энергией стихии, которая ударилась в хъярт и просилась

принять ее. Дать ей разбежаться по венам, набраться сил, помочь телу залечить раны.

Усилием воли он закрыл начавший приходить в себя хьярт. Сейчас нельзя. Сейчас, когда он сидит избитый и связанный в тесной камерке на краю империи, в тысячах еров от того места, где он должен быть, в рубище мюрджинских смертников... Лучше петлю на шею.

Впрочем, только ее и не хватает. Надо выкручиваться без силы Шакти.

Повернулся ключ в замке, отворилась дверь, в камеру зашел страж. С синим распухшим лицом и разбитыми губами, тот самый которого Дим скинул с лошади. Законник недобро посмотрел на узника, но рук распускать не стал.

– Пошли, – лишь коротко произнес он.

Дим с трудом поднялся на колени, потом на ноги. Голова кружилась, ужасно хотелось пить, связанные руки затекли и почти онемели. Он чуть помедлил у выхода, когда переносил раненную ногу через высокий порог, за что тут же получил тычок в плечо. Раздражение на вынужденное бессилие росло с каждой меной. Он уже почти забыл, что должен сдерживаться.

В комнате, куда его привели, за единственным столом сидел человек. В форме законника с нашивками старшего на куртке. Напротив, на стуле – Ориф в одежде купца средней руки.

– Ваш? – кивнул законник, показывая на вошедшего Ди-

ма.

Ориф тяжело вдохнул и закатил глаза.

– Уже третьего отлавливаю. Как только подъезжаем к границе, сразу пытаются убежать в Мюрджен. Будто им там шелком дорогу выстелили. Сумасшествие!

– И зачем вам, ларри¹⁷, с ними маяться? Пускай бежали бы. Кому они там нужны?

Ориф неопределенно махнул рукой.

– Я его забираю?

– Забирайте, – старший глазами указал своему подчиненному на узника. Страж подошел, разрезал веревки.

– Счастливо, ларри! Заходите если что, – хохотнул законник.

Дим растирая онемевшие руки, шел за Орифом по узкому коридору. Они вышли на задний двор, где стояло ведро с водой и деревянный ковш.

– Здесь можно привести себя в порядок. А это твоя одежда.

Дим смыл с себя кровь, умылся, надел чистую рубаху и штаны. Сразу стало легче.

Спутники шли по ночному поселению. Темно было хоть глаз выколи. Лишь изредка улицу освещал скудный свет из окон домов, где еще не спали.

¹⁷ Ларри – обращение к шакту неблагородного происхождения, хотя в последнее время такое обращение стали употреблять к обеспеченным людям не имеющих дара.

– Решил меня проверить, – ехидно поинтересовался Ориф, – или острых ощущений не хватило?

Дим был не в том состоянии и настроении, чтобы оправдываться. Затылок ломило, нижняя часть лица почти не чувствовалась. Да и не привык он ни перед кем объясняться за свои поступки.

– Я сказал именем императора, – хмуро произнес он. Все же парень не раз его выручал, и он решил изменить своим правилам. – В империи это закон. Каждый, кто хочет что-то сказать может воспользоваться этим правом и призвать, чтобы его выслушали. И уж если он не сможет доказать весомость своих слов, только тогда его ждет наказание. Я знал, что делал.

Откровенно издевательский хохот стал ему ответом.

– Законы империи?! Их здесь всего два: ты должен быть шактом, и ты должен иметь много денег. Остальные вне закона!

Дим остановился и медленно повернулся к своему путнику. Его глаза гневно сверкали.

– Ты говорил, что империя и твой дом тоже.

Ориф вздохнул и тоскливо посмотрел туда, где в темноте все еще виднелись шпили защитной крепости.

– Дом там, где тебе лучше.

– И чем же там лучше? – Дим тоже кинул взор на едва различимые башни.

– Долина маленькая по сравнению с империей. Но жители

там добрее. Правители заботятся о своем народе и люди готовы встать горой по первому зову. За свои семьи, свое государство, за свой правящий Дом.

Имперец фыркнул, едва скрывая надменность.

– Так называемое княжество Мюрджен – всего лишь кучка отщепенцев, когда-то бывших подданными его величества императора. Они держатся лишь на том, что пока правящему Дому Астрэйелля некогда обращать на них внимание.

– Потому что он занят либо междоусобными войнами, либо подавлением бунтов, либо самолюбованием! Как ваш нынешний император. Ему интересны лишь балы, состязания, гонки.

– Он правит всего лишь ар!

– Целый ар!

Оба замолчали, ожесточенно смотря друг на друга. Первым не выдержал Ориф, отвел глаза. Дим тоже отвернулся и продолжил путь.

– Тридцать аров империей правил Совет, – продолжил мюрдженец, – и сейчас продолжает. Кто смотрит на молодого Эллетери? Старшее поколение внемлет советникам, а младшее веселится вместе с правителем. И слушает старших. Везде разбой, взяточничество, продажность и нищета. Полное разложение. Как ты думаешь, как я тебя вытащил? Именем императора? – не удержался, сострил он.

Дим забыл о разбитых губах и с силой вонзил зубы в нижнюю. Чуть не закричал от боли. Споткнулся. Втянул воздух

полной грудью. Остановился. Лучше смотреть правде в глаза. Повернулся к своему спутнику.

– И как?

– Когда проснулся и, как и предполагал, не обнаружил тебя, сразу понял, где тебя искать. Обошел селение, нашел своих знакомых и раздобыл нам новую одежду. Потом прямоком пошел в дом законников. Там мне сказали, что такой у них есть, но он сильно виновен и должен понести наказание. В общем, обещанные золотые решили вопрос и закрыли стражникам глаза на твою вину. Пришлось побегать, деньги надо были принести до вечера.

– Где же ты их взял? – чуть прищурился Дим.

Ориф поморщился. Видно было, что говорить ему не хочется.

– Наше родовое имение находится на юге-востоке Астр-эйелля, рядом с Хайт-Пари. Вернее, тянется вдоль это края. Дом Югрэлли знатен и когда-то был приближен к императору. Бывший глава Дома неожиданно отдалился от двора и стал вести замкнутый образ жизни в родовом имении вместе со своей семьей. Его сын, мой отец поддержал это желание. Мне было двадцать пять аров, когда я встретил девуцу.

– Опять девица? – насмешливо изогнул бровь имперец.

– Они – моя погибель. Хотя эта была настоящей судьбой. Она была из Мюрджена, ходила с торговыми обозами. Я тебе говорил, здесь недалеко от границы это обычное дело. Она была не одарена силой Шакти...

– Смертной?! – перебил его Дим. Его лицо перекосила смесь непонимания и брезгливости.

Ориф усмехнулся, опустил глаза.

– Мы два ара встречались тайком, когда она приходила в селение близ наших владений. Потом отец узнал и выгнал меня. Она предложила уйти с ней. Я испугался и попытался вернуться домой. У ворот имения меня встретил один из прислужников и передал послание от отца. В нем говорилось, что наследник Дома Югрэлли умер и любой, кто будет выдавать себя за него, будет убит на месте. Я ушел с Ниссой.

– А деньги? – напомнил ему Дим.

– Тебе зубы не заговоришь.

– Интересно.

– У меня был небольшой запас золотых в Сберегательном Доме. В долине он мне был не нужен, здесь, как видишь, пригодился.

Они остановились недалеко от небольшого домика с одиноко горящим в нем окошком, словно маяк освещающий путь во тьме двум странникам.

– Останешься на ночь? – мюрдженец указал на дом.

– Это тебя ждут?

– Надеюсь.

– Еще одна девица?

Ориф скромно потупил глаза. Дим покачал головой, не сдерживая улыбки.

– Спасибо за все, – с этими словами он сделал несколько

шагов в темноту и растворился в ночи.

Дим вышел на дорогу, ведущую на окраину поселения. Все реже и реже стали попадаться дома, все больше сужалась тропинка, все чаще вставали деревья на его пути. Он вышел в лес. Опустился на землю, положив на нее руки. Кончики пальцев кольнуло от прикосновения к силе стихии, хьарт свело болью. Слишком долго он не прибегал к своему дару, слишком рискованно было опустошать свой организм на такой длительный период времени.

Дим сжал зубы, не обращая внимания на огненный ком внутри, продолжал искать нити силы, пытаясь напитать свое тело. Наконец по кистям поползли серебряные искры, они поднимались по рукам, обвили плечи, шею, свились в клубок на уровне груди и ушли в хьарт. Шакт прикрыл глаза, наполняясь энергией стихии. Лишь когда его аура¹⁸ приобрела обычный вид, он оторвал руки от земли и поднялся на ноги.

Хьарт благодарно замер в груди, раны перестали мучительно ныть, тело наполнилось гибкостью и силой, ночь расцвела всевозможными оттенками черного и серого и больше не казалась непроглядной, лес звучал десятками звуков. Дим подбросил небольшой импульс силы, который серебристыми спиралями ушел вверх сквозь деревья.

¹⁸ Аура – защитный контур, который имеет каждый одаренный силой Шакти. Любой человек, имеющий дар по ауре может увидеть стихию, которой владеет шакт и его возможности.

Именно из-за этого серебра он и должен был терпеть столько мучений. Его аура слишком приметная и не такая, как у других. Это все равно что ходить с гербом своего Дома в руках или кричать свое имя на каждом углу.

На небе появилась тень, затмив неяркий свет звезд. Темный силуэт большого животного приближался к земле, нарезая аккуратные круги среди деревьев. Ярх¹⁹ опустил на землю рядом со своим хозяином, приветственно урча.

– Рад тебя видеть, дружище, – Дим потрепал летуна по мощной шее.

– Уррр.

Летун опустил одно крыло, наездник ловко на него запрыгнул и, сделав несколько почти невесомых шагов, оказался в углублении между крыльями, которое заменяло седло и не требовало других дополнительных приспособлений, чтобы держаться на спине ярха.

– Домой.

Вечерний воздух не так налит силой, как в предрассветные сэты, но после столь долгого воздержания окунуться в стихию было невероятным блаженством. Дим парил на ярхе почти под самыми облаками, хватая всем своим существом

¹⁹ Ярх – крупное животное с толстой, покрытой броней кожей, мощными крыльями и довольно слабыми нижними конечностями. После Большого Энергетического Взрыва на планете появились мутанты. Не все смогли прижиться в новом мире и большинство вымерло, но некоторые виды остались. Живут высоко в горах, признают только тех, от кого чувствуют силу. Любимая стихия – воздух, где они беспрепятственно могут купаться в чистых энергетических потоках.

энергетические нити, из которых плелся холст мироздания. Переплетаясь между собой, они составляли хаотичную сеть, переливающуюся разными цветами. Из узлов, образованных пересечениями линий, вверх и вниз уходили столпы, по которым происходил обмен энергиями между стихиями.

Его дар, его сила Шакти позволяла видеть мир во всей красе многочисленных оттенков, слышать звуки, которыми было наполнено все вокруг, ощущать всем своим существом – цело, ярко, не упуская ничего, дышать полной грудью, словно пропускать сквозь себя вселенную и чувствовать себя по-настоящему живым.

Дим начал снижаться лишь, когда далеко внизу стали мелькать очертания знакомых мест. Начинались владения Дома Иланди. Скалы, огромная река, берущая начало у подножия горы, проложившая себе путь через все земли их имени и уходящая вглубь южных квот. Множественные притоки разбегались в разные стороны, образуя сеть естественных водных каналов на желто-зеленом полотне земли. Деревни, поселения, присоединившиеся подопечные хозяйства, виноградники, плантации специй, которые выращивались только здесь, засеянные поля, стада животных. Нерушимый оплот, сердце владений – родовой замок с четырьмя высокими красавицами – башнями.

Ярх, повинувшись мягкому управлению наездника, приземлился около небольшого озера, уходящего под скалы и вливающегося в подземную реку, которая словно зеркальное от-

ражение своей наземной сестры, проходила через все владения.

Земли Дома Иланди – большая долина, благодаря этим рекам никогда не нуждающаяся в воде, и, несмотря на жесткие южные условия жизни и соседству с Мертвыми равнинами²⁰, богатая и плодоносная. Чуть больше тысячи аров назад после глобальной катастрофы, случившейся на Элиасе, их род ушел сюда на юг, в выжженные после извержений вулканов земли. Как они смогли договориться с этим миром, выжить, построить свой дом там, где на многие тысячи еров стелился лишь пепел, да зола, знали только его далекие предки.

Однако они сумели возвести из праха не только свой Великий Род, но и принимали всех тех, кто хотел жить под их защитой. Строились деревни и поселения, возделывались поля и разводились стада животных, прокладывались каналы для орошения земли и дороги, возводились храмы, открывались лечебницы.

Маленькая империя внутри большой страны. Как, впрочем, и все владения Великих Домов.

Дим спрыгнул с летуна, как обычно поблагодарил его – поделившись своей силой. Серебряные нити растаяли под толстой шкурой, ярх одобрительно заурчал и взмыл вверх. На берегу озера у самого входа в пещеру сидела одинокая

²⁰ Мертвые равнины – по сей день на Элиасе остались земли, не сумевшие восстановиться после извержения вулканов. Безжизненные, они могут тянуться на сотни, а иногда тысячи еров, с редкими порослями особо живучих растений, мха, лишайников. Самые большие до сих пор остались на юге планеты.

фигура, закутанная в плащ с накинутым на голову капюшоном. Она была почти неразличима среди ночного сумрака. Однако Дим знал, что его ждут, поэтому без труда нашел глазами темный силуэт и пошел к нему.

– Я уже пятый вечер прихожу сюда, – не оборачиваясь, укоризненно произнесла фигура.

– Меня хотели повесить в крепости Мюрджена. Пришлось задержаться, – ровным голосом ответил Дим.

– Считаешь это весомым аргументом?

– Я очень спешил. Мчался со всех ног, спасаясь от злоющих стражников, желающих наспиговать меня арбалетными болтами.

– Я думал ты бегаешь быстрее.

– Потом меня избили, как только я пересек границу империи. И я почти день провел в заточении в какой-то грязной дыре.

– Избили? Тебя?! – фигура искреннее расхохоталась.

– Я не хотел прибегать к своему дару. И воспользовался старым законом- призвал их именем императора.

На этот раз собеседник не ответил. Его прозрачная, почти не приметная аура чуть сгустилась, и в воздухе разлилось напряжение.

– Как оказалось, – продолжил Дим, – в этой стране не чтут ни законов, – он чуть помедлил, но все же продолжил, – ни своего правителя.

Фигура наконец повернулась. Капюшон упал с головы.

Это был молодой человек с белыми, как снег длинными волосами, перевязанными тонкой кожаной тесьмой и тонкими изящными чертами лица. В светло-серых, почти прозрачных глазах вспыхнули гнев и злость, еще обида. Впрочем, это все чувствовалось и так. Словно вихрь налетел, зажав путника в кольцо чужих эмоций. Дим не дрогнул, даже аура на его коже осталась такой же неподвижной.

– Ты послал меня в Мюрджен. Зачем? Что ты знаешь об Астрэйелле? Что ты сделал для своей страны, Аурино?

Молодой человек выдохнул и слегка отвернулся. Буря улеглась. Вокруг опять царила ночь. И две фигуры на берегу неподвижно застывшего озера.

– Ты не представляешь, как это тяжело! Они все пытаются меня использовать, манипулировать мной, я для них всего лишь мальчишка, которым они хотят управлять и каждый на свой лад, каждый пытается перетянуть одеяло на себя.

– А ты?

– Мне не хватает сил противостоять им всем и, если даже я что-то и делаю, чаще они объединяются против, лишь бы не дать мне проявить свою самостоятельность. Чтобы я ни делал, они все контролируют. Все мои силы уходят на борьбу с их всевластием.

В бессилии сжав кулаки, он пнул ни в чем неповинный камень. Тот улетел в воду, растревожив зеркальную гладь.

– Мне нужна твоя помощь, Димостэнис! Я не справлюсь один. Я хочу вернуть то, что принадлежит мне по праву.

Свою империю. Ты поможешь мне? Будешь со мной?

Дим растерянно развел руками.

– Кто я? Какой из меня государственный деятель? В отличие от тебя, меня этому даже не учили. Вряд ли из меня выйдет толковый помощник.

– У тебя все всегда получалось, если ты за что-то брался. Мы же с тобой всегда были вместе.

С тех самых пор, когда глава Дома Иланди привез мальчика пяти аров, будущего правителя Астрэйелля, у которого только-только убили всю семью.

– Вряд ли отец будет рад такому повороту событий, – попытался найти новую отговорку Димостэнис.

– Ха, – презрительно фыркнул Аурино, – неужели он серьезно думает, что ты всю свою жизнь посвятишь разведению скотины? Он, правда, считает, что твой удел – управляющий имением?

Иланди опустил глаза. Уже ар он управлял огромным семейным хозяйством, после того как закончил обучение и вернулся домой. Под предлогом, что маме нужна помощь (будто она когда-то этим занималась) отец всячески поощрял и поддерживал любые действия младшего сына. Все чаще это становилось похожим на фарс и переходило границы здравого смысла. Дим уже не раз задумывался, зачем это все отцу надо.

– Он как будто держит меня подальше от Эфранора, дворца и тебя.

Аурино снова фыркнул.

– У Совета есть две цели: не давать мне управлять моей империей и держать нас как можно дальше друг от друга.

– Почему?

Император пожал плечами.

– Поэтому я и прошу тебя – будь рядом. Так мы нарушим хоть какой-то из их планов.

Дим усмехнулся.

– Еще два ара я не смогу быть при дворе.

– Два ара – неплохое время на подготовку.

– За это время многое может измениться. Я могу быть больше тебе не нужен.

– Ты единственный близкий человек, который у меня есть. И единственный, кому я могу доверять.

Глава 3

Димостэнис аккуратно приоткрыл дверь рабочего кабинета его величества. Император был не один, сегодня утром у него были сэты приема посетителей. Аурино повернул голову и вопросительно посмотрел на него. Дим бросил извиняющийся взгляд и так же аккуратно закрыл дверь.

Собственно, за этим он и пришел – убедиться, что его величество занят.

После своего неудачного приключения в пограничной крепости Мюрджена и недолгого ознакомления с окраинами родной империи, Дим понял, что не все так все гладко и красиво в Астрэйелле, как хотелось бы.

А хотелось, чтобы тот случай, произошедший с ним в деревне недалеко от границы княжества, был исключением из правил. Хотелось думать, что все это разлагающая близость Мюрджена. Хотелось отказать Аурино и продолжать жить той жизнью, которая была ему предназначена.

Двадцать восемь аров Димостэнис жил в мире, в котором ему было положено, видел, что ему было положено, делал, что было положено. В реальной жизни все было по-другому. Подсмотрев её в случайно приоткрытое окно, он больше не захотел закрывать глаза.

За те два ара, которые были у Дима до того, как должен был быть официально представлен ко двору императора, он

объездил всю империю. Сколько долгих миноров он провел в поездках, во скольких городах и селениях побывал, общался с людьми, смотрел, наблюдал, открывал для себя новые грани жизни. Что на самом деле происходит в стране, чему люди радуются и чего хотят, на что настроены и за что готовы сражаться, а самое главное – видят ли будущее государства за молодым императором.

Отец был удивлен его неожиданной тяге к путешествиям, но возражать и задерживать его в имении не стал. Для Лауренте Иланди было главным, чтобы сын держался как можно дальше от Эфранора. Димостэнис и держался. До тех пор, пока не пришло его время.

За те два ара его мировоззрение перевернулось. В стране царил хаос и беспорядок. Взятничество и коррупция, преступность и всевластие наместников, полное попрание прав людей без дара и ненависть их к одаренным. Банды и группировки, которые разоряли страну и не давали ей развиваться.

За те два ара Димостэнис понял, что должен делать. Сплести сеть, которая накрыла бы всю империю, и больше ничего не осталось бы за пеленой неведения. И тогда он будет в курсе всего.

За те два ара он создал службу, которая знала обо всем происходящим в государстве и следила за порядком. Преступность, увы, нельзя ликвидировать полностью, но ее можно контролировать.

К этой истине он пришел не сразу. Да и не было тогда

еще у будущего главы тайной службы ни такого опыта, ни знаний. Все началось с нескольких человек, которых Иланди тщательно и с большой осторожностью подбирал по всей стране. Их главной задачей был сбор информации. Вскоре это дало результаты и стало требовать еще большее количество людей. Служба разрасталась.

В тот день, когда его величество представил главам Великих Домов своего главного советника, и Совет Пяти как взбешенная кошка, которую погладили против шерсти, шипел и выплевывал гневные протесты, Лауренте Иланди наконец решил поговорить со своим сыном.

Не прошло и тридцати аров!

– Ты не понимаешь, какую ношу ты взваливаешь на себя! – негодовал глава рода, – она тебе не по плечам!

Серебряные искры поползли по коже, образуя изломанный контур. С самого детства аура была такой – неровной. Сколько он себя помнил его дар всегда был нестабилен: то неожиданно вспыхивал, то непредвиденно гас, то рваными ключьями висел у него на коже. Мог появиться на дни, и вновь исчезнуть на миноры. За долгие ары Дим так и не смог понять, что с ним происходит. Он не мог контролировать свой дар, не мог управлять им, даже не знал, когда он в следующий раз опять исчезнет, а когда вернется.

– Я никогда не говорил тебе, Димостэнис, – Лауренте Иланди зло выдохнул, – берег свое самолюбие, но тебе никогда не быть великим одаренным. Вся твоя необычная аура,

твой неподдающийся дар – следствие той травмы, которую ты получил в подземельях поместья. Твой хьярт поврежден. Он неполноценен и чем сильнее ты будешь пытаться изменить это, тем скорее ты потеряешь даже то, что имеешь сейчас. Я не зря пытался оставить тебя в имении. Это твое место. То с чем ты хорошо справлялся. И еще не поздно вернуться.

До двенадцати аров у Дима с отцом были замечательные отношения. Нет, даже не так. Он был любимцем у отца, несмотря на то, что в семье рос старший сын, наследник рода, с проявившимся к его семнадцати арам, сильным даром. Отец брал его с собой, неважно был ли это объезд владений или поездка на другой край империи, летал с ним на ярхе, много общался. После произошедшего несчастного случая в подземелье, отец отдалился, ушел, закрыв дверь, оставив его один на один со своими страданиями и борьбой с неподдающимся даром.

Главе Великого рода не нужен был сын неумеха, потерявший свой дар, даже не начав им пользоваться. Род Иланди – это сила, защитники трона, его воители и опора, им были подвластны две стихии Огонь и Земля. Аура всех принадлежащих к их роду была темно серая, а на его коже плясали искры серебра. Димостэнис стал пропадать в библиотеках и прочитал невероятное количество книг, чтобы понять, что с ним происходит, но так и не нашел ответа. Пытался развивать свой дар, но был слишком юн, не хватило ни умений,

ни знаний.

Димостэнис научился жить с этим и даже смиряться. В конце концов, пусть его хьярт и преподносил ему неприятные сюрпризы в виде периодической потери способностей, он владел всеми четырьмя стихиями. Второй шакт в империи, кто был способен на такое. К тому же благодаря хорошему знанию теории, сотням книг, осевшим в его голове и абсолютному владению своим телом, слабым его вряд ли кто осмелится назвать.

Прошло почти три ара с того разговора, но Дим хорошо помнил воздух, вдруг ставший вязким и тягучим, так что его никак не получалось протолкнуть в легкие, онемевшие пальцы в сжатых до боли кулаках и искры, которые вспыхнули на коже неровными клочьями, словно в насмешку над ним, подтверждая слова отца.

– Спасибо, сэй, что наконец сказали, – он привычно вздернул подбородок, – я учту.

Дим кивком ответил на приветствие стража, стоящего около дверей императорских покоев. Личный кабинет его величества. Посетитель уверенно прошел к столу, открыл нужный ему ящик, достал несколько папок.

Аурино как-то рассказал ему, что после того, как его забрали из общих классов обучения, он по несколько миноров жил в каждом Великом Доме, где советники наставляли его и подготавливали к будущим обязанностям.

– Правда, они часто уезжали, наставники мои. Оставляли

меня одного, когда правили моей империей. А я, чтобы не скучать чертил карты их владений. Каждое имение Великих Домов – неприступная цитадель и не знаешь порой, как подступиться к таким. Император же просто обязан знать все о своих подданных.

Димостэнис все чаще замечал, что беззаботный молодой человек, которого он так хорошо знал в прошлом, уходит, прячется в тень своего могущественного двойника с отчужденностью в застывающих льдом серых глазах и жесткой складкой у губ, сменившей мальчишескую улыбку.

Все чаще молодой Иланди недоумевал, как могут советники не видеть этого. Не было больше воспитанника, на которого можно было давить, учить или что-то советовать. Императору нужна была власть – его личная, неделимая ни с кем. Димостэнис несмотря на свою должность и полномочия, никогда не претендовал на нее. Он был щитом, опорой, а самое главное отвлекал внимание Совета на себя, не преступая ту черту, за которой императору станет с ним тесно.

Дим быстро перебрал все папки, вытащил нужную. Еще раз пробежал глазами, удостоверившись, что это именно то, аккуратно свернул, положил во внутренний карман куртки.

Темнело быстро, и хотя поводень²¹ уже давно прошел, было холодно и довольно влажно. Легкая, не стесняющая движений одежда почти не приносила тепла. Огонь горел внут-

²¹ Поводень – период, длящийся два-три минора, в зависимости от части Элиаса.

ри, согревая. Впрочем, сейчас Димостэнис не чувствовал ничего. Сердце бешено стучало, разгоняя по венам волны адреналина.

Чистым безумием было то, что он задумал. Хотя уже не задумал – на четверть выполнил. Благодаря туману, быстро густеющей темноте и проснувшемуся у Аурино дару чертежника, он довольно легко преодолел внешнее ограждение родового имения Дайонте, обошел стражей и, почти не блуждая, вышел к замку.

Родовое имение Дома Дайонте, хранителя знаний и вековых традиций – вот, что привело его сюда этой ночью. Император мечтал избавиться от власти своих великих наставников. Интуитивно, кровью, текущей в его венах, он чувствовал, что советники его обманывают. Молодой правитель не верил, что должен делить свою власть, данную ему Богами от рождения с кем-то еще. Однако не мог доказать свое правоту и сбросить ненавистное ему бремя опекунства.

Димостэнис вдохнул воздух полной грудью, скинул напряжение, давившее на плечи, закрыл хьярт. Нельзя оставить следы своей энергетики. Сэй Дайонте явно не заслуживает такого подарка. Обошел дом. Просидев полдня над картами имения, взятыми у Аурино, он с легкостью ориентировался во всех постройках и быстро нашел, что ему было нужно.

Хозяйственные пристройки, кухня, место для челяди. Здесь, как Дим и предполагал было тихо и темно. Сэй Дай-

онте был в Эфраноре, как и остальные члены Совета. К тому же в этом аре его дочь достигла возраста своей самостоятельности и должна быть представлена его величеству. Поэтому опасаться, что прислуга будет суетиться, готовить ужин и бегать по дому, не стоило.

Димостэнис с силой ударил по окну. Стекло, звякнув, осыпалось осколками на землю. Он осторожно вытащил оставшиеся острые куски и легко залез в открывшийся проем. Первое помещение было кладовой, второе, судя по количеству различной кухонной утвари – местом, где готовилась еда. Значит, следующая дверь должна вывести в узкий, длинный коридор, соединяющей пристройку с основным зданием.

Не теряя времени, Дим бегом преодолел переход и оказался в помещении с высокими потолками и ровными стенами с красивой росписью. В замке Дайонте он был впервые. Однако времени любоваться интерьером не было. Он пересек комнату, направляясь к тому месту, где должна быть картинная галерея, заканчивающаяся семейной библиотекой. Распахнул дверь и оказался в огромном холле, со всех сторон освещенном огневиками. Их было настолько много, что в комнате было светло, как днем. Димостэнис выругался сквозь сжатые зубы, упомянув всех жителей Бездны, и отскочил назад.

Н-да! Этого он не предусмотрел. Если здесь, не приведи Боги, были бы люди, на этом его карьера расхитителя замко-

вых сокровищ закончилась бы. Он вдохнул-выдохнул. Чуть высунул голову, пытаясь рассмотреть темные ниши второго этажа, спрятанные за ажурным орнаментом ограждений. Наличие и размещение стражей внутри дома его величество в своих чертежах не указал.

Он еще постоял немного, кусая нижнюю губу. Каков же был соблазн дотянуться до огневики, соприкоснуться с огнем, заставить его погаснуть, погрузив комнату во тьму. Только на такой выброс энергии явно сбегутся все стражи замка, даже если их нет в этих не просматриваемых нишах.

Дим все же сделал шаг вперед. Отступать, когда так сильно желаемое всего в нескольких шагах, только из-за того, что в замке Дайонте некуда девать огневики, он не собирался. Накинул капюшон на голову, пересек холл, добрался до лестницы, все время ожидая окрика или охранное плетение в спину.

Обошлось.

За лестницей сразу был поворот и длинный коридор, уводящий вглубь дома. Здесь света почти не было, лишь несколько небольших огневики освещали довольно узкую галерею, стены которой украшали портреты представителей семьи Дайонте. Дим неслышной тенью скользил от одной ниши к другой, в полумраке пытаясь разглядеть лица. У очередного шедевра известного художника он остановился, попав под недоброжелательный взгляд нынешнего главы рода.

– Простите, что без приглашения, сэй, – хмыкнул Дим,

снимая заплечный мешок и доставая чертежи, – от вас же не дождешься!

Он еще раз сверился с картами, убеждаясь в правильности пути. В конце галереи стояли две колоны, у оснований которых был изображен родовой герб Дайонте – старинные фолианты с раскрытыми страницами. Сразу за ними был вход в библиотеку.

Только это небольшая заминка спасла его от столкновения с невысокой фигурой, закутанной с ног до головы в широкий, темный плащ и глубоко надвинутым на голову капюшоном. Дим юркнул за колонну, стараясь даже не дышать, гадая, заметили его или нет. Незнакомец неслышно проскользнул мимо, слегка задев его полой одеяния.

Оказывается, не он один промышляет ночью в чужих домах. У сэя Дайонте не замок, а разбойничий притон какой-то!

Выждав еще немного, чтобы убедиться, что блуждающая по замку фигура не вернется, Димостэнис вышел из своего укрытия и наконец открыл вожделенную дверь. Сделал несколько шагов, ошеломленно остановился, вертя головой. Бездна и жуткое разочарование рухнули на плечи тяжелой ношей.

Книги, свитки, сотни трудов известных мастеров и пропавших в объятиях Летты неизвестных гениев, тысячи томов, дневников и древних фолиантов. Все это смотрело на него с высоких стеллажей, уставленных до самого потолка и

уходящих вглубь узкими темными коридорами, где с трудом могли разминуться два человека.

Здесь можно было остаться на ары.

Откинув отчаяние, Дим снял со стены огневик и пошел вперед. Спустя время он стал немного разбираться в хитро-сплетениях переходов и расположениях многочисленных полок. По крайней мере, не проходил мимо одной и той же залы по несколько раз, пересматривая одни и те же тома. Здесь во всем была строгая закономерность и схематичность. Отдельные стеллажи с историей Астрэйелля и вехами его развития. География и труды мореплавателей и первооткрывателей. Философия и наука о жизни. Учебные пособия по земледелию и скотоводству. Была даже отдельная зала легкого чтения и сентиментальных романов.

Наконец он нашел то, что искал. Судя по столу, удобному мягкому креслу и книгам, разложенным в хаотичном беспорядке, это и был рабочий кабинет хозяина дома. Правда ничего интересного здесь особо не нашлось: в основном книги по политическому устройству государства, законы империи, труды великих деятелей прошедших аров. Большинство из этих работ были хорошо знакомы Димостэнису, некоторые изучали в общеобразовательных классах²².

Он прошелся по комнате, знакомясь с содержимым шка-

²² Общеобразовательные классы – преподаются общие науки, такие как – история, карты мира, письменность, математика и прочие. Не учат обладанию силой Шакти. Раздельные для одаренных и нет.

фов и полок. На глаза попались три одинаковых тома в кожаных переплетах, прошитые тонкими прочными нитями. Дим осторожно потащил один из них за корешок. На первом листе от руки было написано: «учет. Приют Алаистэ». Дальше страницы были исписаны именами и датами и, судя по первым цифрам, учет этот велся еще дедом Талала. Остальные две книги были похожи. Лишь менялось название на первой странице и имена.

Приюты? Димостэнис пожал плечами. Сэй Дайонте занимается благотворительностью? Так или иначе, больше задерживаться в этой комнате Дим не стал. Время бежало с неумолимой силой, а залу или хотя бы какую полку с надписью «обмани императора» он пока так и не нашел. В новом приступе отчаяния он не заметил, что прошел несколько кругов по комнатам, в которых ходил ранее. Пробежав глазами по уже знакомым названиям, он свернул в новый коридор, вырываясь из лабиринта пройденных переходов.

Распахнул дверь сразу за стеллажами, широким шагом заходя в очередную комнату. И чуть не врезался в противоположную стену. Помещение оказалось скорее небольшой нишей, в которой лежала всего одна книга. Скорее даже толстая тетрадь с пожелтевшими, раздутыми страницами и потертым кожаным переплетом. Подобное он уже не раз встречал по время своих блужданий по библиотеке. Слабость Талала Дайонте к древним книгам, которые он скрупулезно собирал по всей стране, была известна.

Правда здесь было гораздо холоднее и вокруг было не дерево, как в остальных помещениях, а мраморная плитка, выложенная по стенам и по полу, в абсолютно не предугадываемой последовательности. Где-то чуть больше, где-то меньше, несколько небольших плит были выпуклыми и швы между ними были неровными, словно слегка размытыми.

Страшная усталость навалилась как камень, сбивая с ног. Дим тяжело опустился на пол. Чтобы отвлечься от терзающих душу мыслей, Димостэнис задержал глаза на названии на обложке тетради. Заголовок был написан старыми буквами. Еще шестьсот аров назад все знали лишь их. Однако правившему тогда императору либо стало скучно, либо таким образом его величество решил вписать свое имя в историю, – он придумал новый алфавит. А когда придумал, видимо, чтобы уже никому не было скучно, заставил всех перейти на него и использовать как единственно верный. Десятки аров люди маялись, ругались, кляли неизвестно откуда взявшуюся тягу к новаторству у своего правителя. Постепенно старые буквы стали забываться и теперь этот алфавит считался мертвым. Лишь знать иногда пользовалась им, чтобы подчеркнуть свою образованность и превосходство.

– Кодекс, – прочитал Дим вслух, чтобы хоть немного разогнать одолевшую его тоску. – Ко – де –к –с.

Что-то было нацарапано и на корешке. Дим приблизил лицо, пытаясь рассмотреть уже довольно истертые буквы.

– Э-л-лет-е-ри, – по буквам собрал он первое слово. Ря-

дом стояло что-то типа подписи. Старые полуистлевшие буквы, едва различимые подписи, пожелтевшие от времени страницы. Неужели, он что-то нашел?

Димостэнис протянул руку, положил на тетрадь. Может, здесь он найдет что-нибудь, что оправдает творимое им безумство. В ладонь со всего маха вошла энергетическая воронка. Острым концом она впиалась в плоть, ширясь и углубляясь, разгоняя волны невыносимой боли. Гася крик, он дернул руку на себя, но ни тут-то было. Защитное плетение держало крепко. Боль уходила вверх по кисти, охватила локоть, плечо, спустилась по груди, подкрадываясь к животу. В глазах потемнело. Димостэнис рухнул на колени, почти не осознавая, что он делает. Единственным желанием было избавиться от этой пытки. Открыл хъярт, пытаюсь, если не разорвать формулу то, хотя бы ослабить ее воздействие.

Серебряные искры вспыхнули, разбежались по телу, просочились в чужое плетение. Давление исчезло, но из-за боли, сковавшей его тело, он не сразу понял это. Осознав, что свободен, Дим поднялся на ноги. Надо было уходить, такой выброс энергии не может остаться незамеченным. Сейчас сюда сбежится вся стража замка. Его шатало. Он сделал шаг назад, чувствуя под ногой выпуклую плитку. Всего одно мгновение ушло, чтобы понять то, на что он раньше не обратил внимания. Однако даже этого было слишком много. Плиты под его ногами разъехались, и он полетел вниз.

То ли проснувшимся в нем звериным чутьем, то ли вдолб-

ленным за ары обучения инстинктом самосохранения Дим почувствовал, что неожиданное исчезновение пола не самое страшное в этой ловушке. Он весь сжался, собрался в тугой комок мышц, превращая свободное падение в скоординированный полет. И только это спасло его от одного из длинных шипов-кинжалов, которыми был утыкан пол. Остро заточенное лезвие вошло не в грудь, проткнув сердце, а вонзилось в бок, пригвоздив к земле.

Плиты над головой сошлись, оставляя пленника в крошечной темноте. Не давая боли взять над собой вверх, Дим попытался подняться, снять себя с проклятой железяки. Опираясь на руки, он оторвался от пола, почти достигнув своей цели. Кисть, поврежденная охранным плетением, не выдержала нагрузки и подвернулась. Хорошо отточенное лезвие вновь вошло в его тело, лишая подвижности.

Он представил радость хозяина дома, когда он увидит его, словно муху, приколотого на булавку. Самоустранившаяся проблема.

Эта мысль придала сил, Дим ухватившись свободной рукой за каменный выступ, рванул в сторону, пытаясь освободиться. Острое лезвие прошло сквозь плоть, почти не задержавшись. Из дыры в боку хлынула кровь. Димостэнис зажимая жуткую рану, поднялся на ноги. Слизнул кровь с прокушенной губы, сглотнул соленую слюну. Перед глазами расплывалась непроглядная тьма. Он совсем не чувствовал боли. Было лишь одно желание – уйти, как можно дальше от

места, ставшего его погибелью. Затеряться в подземных лабиринтах. Сделать шаг. Второй. Сильнее сжать пальцы, сводя края раны. Еще шаг. Вытереть пот, заливающий глаза. Впрочем, их можно закрыть. Еще один шаг. Идти. Не поддаваясь на провокацию, ставших вдруг неподъемных ног. Идти...

Запах холодной влажной земли щекотал ноздри. Открыв глаза, Дим понял, что лежит, распластавшись на камнях. Он не помнил, как очутился здесь и сколько шел, упрямо переставляя ноги, шаг за шагом удаляясь от смертельной ловушки.

Откуда здесь может быть этот запах? Свежести, открытого пространства. Всем своим существом он попытался прочувствовать окружающий его мир. Хьярт был пуст, сила Шакти вытекала вместе с кровью, непривычная беспомощность владела каждой клеткой тела.

Если только бы только этот запах не обманул его. Если бы только там на самом деле был выход из пещер. Если бы только можно было дотянуться до энергии стихий.

Димостэнис оттолкнувшись пятками, попытался продвигнуться вперед, но нога лишь скользнула по мокрой от его собственной крови земле. Отчаяние выплеснулось наружу, а с ним и мысли о тщетности своих действий. Он взвыл от обиды на свою судьбу, которая так неожиданно гнусно обошлась с ним и на самого себя за то, что был так неосторожен и безрассуден.

Дим изо всех сил вонзил пальцы в твердые склизкие камни.

Я твой повелитель и хозяин! Ты должна принимать меня! Помогать мне! Я твой... Он сглотнул горький комок, вставший в горле, вместе с наполнившей рот кровью.

Я твое дитя, – словно из ниоткуда в его голове родилась мысль, – ты породила меня, таким какой я есть. Ты создала меня для своих целей.

– Помоги мне, – прошептал Дим. Он больше не пытался бороться. Все ушло на задний план, куда-то очень далеко. Боль, отчаяние, горечь несбывшихся надежд. Осталось лишь умиротворение и откуда-то взявшаяся радость. Как при встрече старого друга или очень близкого человека.

Он уже ощущал подобное. Очень давно, больше двадцати аров назад в пещере, когда в первый раз маленькой серебряной искоркой шагнул навстречу огромному миру и тот признал его своим. Так и сейчас земля благосклонно приняла его в свои объятия, делясь силой. Однако он не начал вновь ощущать потоки энергии, он стал частью одного единого огромного целого. Проникал в ее глубины, сливаясь с ее естеством, отрекаясь от всего внеземного, пропитываясь бесконечным покоем и нерушимой твердыней, растворяясь в стихии, теряя себя, того, кем он когда-то был. Он почти перестал существовать, но никогда еще не был так счастлив.

Вспыхнул огонь. Горячий, сильный, живой. Неожиданно мягко толкнулся в хъярт, напоитывая его. Его жар расплзал-

ся по телу, маня назад, ведя за собой. Земля нехотя раскрыла свои объятия и отпустила.

Дим ощутил спиной мягкость травы и запах воды совсем неподалеку. В ушах все еще бился пульс земли. Открыл глаза. Талла уже ушла за линию горизонта, собрав свои серебристые лучи. Однако это не мешало чувствовать сильнейшую энергетику этого места.

Он был не один. Рядом на коленях стояла невысокая фигура, закутанная в плащ с глубоко надвинутым капюшоном. Было в ней что-то знакомое.

– Кто ты? – хрипло спросил Дим, не зная, что ожидать от этой встречи. Впрочем, если учесть, что он только что валялся без сознания, беспомощный и беззащитный, то вряд ли от незнакомца стоило ждать неприятностей. По крайней мере, пока.

– Ты меня напугал, – прошептала фигура. Ее голос заглушал шум в ушах, и ему пришлось сильно напрячься, чтобы услышать ответ. – Ты не хотел возвращаться.

Дим с трудом собрал себя с земли и сел. Не сумел остановить стон, слетевший с губ. Вернулась боль, ворвалась в его истерзанное тело, отбирая те крохи сил, которые ему удалось собрать. Фигура встрепенулась, кинулась к нему, обнимая за плечи, поддерживая.

– Тебе нельзя вставать, – все так же тихо, с укором произнесла она, – слишком большая рана. И ты потерял много крови.

Именно от нее исходил жар, вернувший его в этот мир. Разноцветные нити стихий, которыми было исчерчено все вокруг, тянулись к ней. Не задерживаясь, они проходили сквозь нее, создавая вокруг фигуры мягкий кокон. Однако это был не щит или аура, которая обычно окружает одаренного. Фигура была именно внутри пересечений энергетических линий, не вбирая силу в себя, а проводя сквозь свое тело. Зрелище было настолько потрясающее, завораживающее нереальностью происходящего, что Дим даже стал сомневаться, в этом ли мире он открыл глаза.

Он же был в пещере, когда перестал что-либо чувствовать, а здесь чистый воздух, и трава, и какие-то голубые цветы вокруг. Димостэнис дотянулся до капюшона, желая посмотреть на это эфемерное существо из другой вселенной.

– Я понял, ты – Ангел²³, – прошептал он. – Прости, я никогда в вас не верил.

Фигура перехватила его руку, покачала головой. Длинная прядь волос выпала из своего укрытия.

– Нет, но если не будешь отдыхать, то скоро с ними встретишься.

– Кто ты? – едва шевеля губами, снова спросил Димостэнис, чувствуя, как черная пелена небытия вновь застилает сознание. Вокруг все было пропитано силой, а он был

²³ Ангел – божественное существо. Встречают путников у Врат Небесной Гавани и служат проводниками в новом мире. Открывают в Переходящем все самое светлое, что есть в его душе, помогают обрести гармонию и покой, склоняют к добру, красоте и счастью.

настолько слаб, что не мог ничего сделать, чтобы продлить мгновения своей жизни, которые как вода уходили сквозь пальцы.

Неожиданно фигура приблизилась к нему, обняла и прижалась всем телом. Нити, из которых был сплетен ее необычный кокон, обвились вокруг него, насыщая его тело энергиями стихий. Дим почувствовал, как вострепелся его хьярт, как притупилась боль, стала затягиваться рана и острые иглы больше не вонзались в бок при каждом вздохе.

Он резко, рывком притянул ее к себе. Жадно хватая всем своим существом потоки силы, идущие от нее. Сейчас она была источником легкодоступной и необходимой ему энергии.

Тело наполнилось привычной силой, он благодатно застоялся и уткнулся носом в плотную ткань плаща. Пальцы смело расправились с завязками капюшона, он ощутил жар ее кожи. Потянулся к тонкой, трепетно бьющейся жилке на шее. Нити кокона затянулись туго, пламя ее тела обжигало сквозь одежду. Огонь, горевший в ней, сводил с ума. Она не стала отталкивать его даже когда он провел губами по нежной коже, словно пробуя ее на вкус. Дотронулась горячей рукой до волос, положила ладони на виски. Дим потрянул головой, отгоняя слабость. Волны тепла прошли сквозь него, сопротивляться им не было сил, и он рухнул в мягкую тишину забытья.

Глава 4

– Где ты был? – император наконец соизволил поднять глаза на своего главного советника, которого до этого демонстративно игнорировал. Уже мен пятнадцать. Перекладывал с места на место разные предметы на своем столе, проверял остроту пера, наличие чернил, изучал бумаги. Занят был его величество!

Димостэнис, которого это обстоятельство несколько не смущало, удобно устроился в мягком кресле, стараясь не замечать, что в его правом боку все отродья бездны выплясывали гжок²⁴. Пекло неимоверно, и при каждом неосторожном движении создавалось впечатление, что в рану заново всаживали клинок, да еще проворачивали с садистским наслаждением.

Так было с самого утра, с тех самых пор, как Дим открыл глаза на берегу озера. Странное место все было исчерчено энергетическими линиями. Здесь силы было столько, что ее можно было взять пригоршнями, напитать свой организм, восстановить хъярт, залечить любые раны. Димостэнис встал на колени перед зеркальной гладью воды. Напол-

²⁴ Гжок – динамичный веселый танец, включающий в себя непристойные действия. Такие как: близкий контакт с партнером, объятия, касания без перчаток. Приветствуются среди простолюдинов, чаще не обладающих даром Шакти. Среди знати недопустим.

нил ладони, приложил к лицу, снова опустил руки в воду, чувствуя легкое покалывание. Энергия стихии, застывшая в озере мягкими кисточками, погладила кожу, оплела кисти, запястья, вошла в кровь, постучалась в хъярт, успокаивая волны боли, которые при каждом движении разносились по телу. Затянувшаяся рана оставила воспаленный бордовый след и доставляла немало неудобств. Он рискнул – скинул с себя остатки одежды и погрузился в манящий омут, наполненный чистой силой.

Когда Димостэнис покидал это место, на спине верного летуна, Талла уже стояла высоко в небе, и было ясно, что на официальную часть Праздника Цветов он безнадежно опоздал. Однако это не волновало главного советника. Он неотрывно смотрел на свою ауру, которая первый раз в жизни непрерывным ровным контуром лежала на его коже, на бледный розовый рубец, неровным рваным зигзагом пересекающий его правый бок от нижних ребер до самой середины живота, а в голове пульсировала две мысли. Об Ангеле, который развернул его от самых Врат Зелоса и об его ощущениях, когда земля приняла его в свои объятия. Что это было? Впрочем, почему было? Он до сих пор чувствует эту связь. Совсем иную, не так как было раньше, когда он мог всего лишь видеть и брать. Теперь стихия стала его частью.

– Я что-то пропустил? – он пока не решил, стоит ли посвящать его величество в подробности своего ночного времяпрепровождения.

– Первую часть Бала Цветов²⁵ .

– Ваше величество соизволили кого-то осчастливить в этот ар? – насмешливо изогнул бровь главный советник, бросив взгляд на два изящных браслета на запястьях императора.

– Я чувствовал себя пустым местом, – проигнорировал его вопрос Аурино. – Все смотрели не на меня, а за мое плечо. Все мысли моих верных подданных были лишь о тебе.

Дим фыркнул.

– Гадали можно ли уже начинать радоваться?

Главный советник и высокое общество друг друга не любили. Как-то не сложилось. Поначалу друга по детским играм и юношеским забавам его величества (его даже не стеснялись называть так в глаза) никто не воспринял всерьез. Задирали, осыпали колкостями, насмехались над аурой. Несколько шумных дуэлей с последовавшими за ними не менее громкими извинениями уменьшили пыл насмешников. Когда же оказавшийся правдой слух о том, что сэй Иланди владеет всеми четырьмя стихиями, облетел весь двор, вдруг стало не до того, какая собственно у вышеназванного сэя

²⁵ Бал цветов – праздник в первые дни нового ара. В эти дни все желающие вступить в официальный союз со своим избранником подают официальные прошения в канцелярии, занимающиеся именно этим вопросом. Там их рассматривают и выносят вердикт: либо дают благословение и молодые люди идут в храм Зелоса, либо отказывают и союз никогда не может быть одобрен ни семьями, ни Богами. Выскородные просят позволения у самого императора. При согласии избранник дарит своей будущей спутнице жизни какую-то вещь, чаще кольцо или браслет с символикой цветов.

аура.

Ему завидовали и боялись, ненавидели и льстили. Всегда отстраненный, резкий, с колючими глазами и высокомерно вздернутым подбородком, Димостэнис научился не обращать внимания на атмосферу, царящую вокруг него, и отражать любые нацеленные атаки.

– Кстати, сэй Дайонте представил сегодня свою дочь.

– И?

– Могу тебе сообщить – она гораздо симпатичнее отца.

Димостэнис закатил глаза.

Его величество аров с семнадцати не обделял своим высочайшим вниманием особ противоположного пола. Правда головы не терял никогда, строго следуя общепринятым правилам империи и заботясь о своей репутации. Серьезно подходил к выбору девиц с которыми проводил время и добросовестно обходил стороной высокородных сэй, избегая встреч в стенах дворца, оставаясь в глазах своих подданных примером для подражания и заставляя страдать придворных красавиц.

Что, впрочем, не мешало главе тайной службе знать о каждой новой пассии и назначенных свиданиях. В последние же три минора император проводил время в среднем районе в одном и том же доме с дочерью городского главы. Влюбиться что ли соизволил его величество?

В отличие от друга у самого Димостэниса отношения с девицами складывались печально и весьма эпизодически. Тря-

сина дел, в которой он с каждым днем увязал все больше и больше, не оставляла времени на личную жизнь, лишь иногда подбрасывая свободные мены для непродолжительных встреч.

В дверь постучали, потом она чуть приоткрылась и почти-тительный голос тихо произнес:

– Ваше величество, сэй Дайонте просит аудиенции.

Аурино нахмурился.

– Не упоминай черта к ночи, а сзев советников никогда, – нравоучительно изрек Димостэнис.

Ответить император не успел, так как дверь распахнулась, и в комнату быстрым шагом вошел, нет, почти вбежал Талал Дайонте, а следом четыре человека с нашивками Дома на рукавах форменных курток. Лейтенант и трое гвардейцев из личного сопровождения сэя. Следом, отставая на несколько шагов, не спеша зашел Бриндан Пантерри.

– Сэй?! – император недовольно посмотрел на одного из Совета Пяти. – У вас что-то случилось? Вы врываетесь ко мне в кабинет как к себе домой.

– Ваше величество, – советник приложил руку на уровне хьярта, как было положено по этикету. Было видно, что это вся учтивость, на которую он был способен в эти мгновения. – Сегодня ночью в мой дом проник преступник и вынес оттуда ценную вещь. Я пришел к вам просить наказать вора!

Аурино онемел.

– Сэй Дайонте, – очень медленно с не предвещающе ни-

чего хорошего нотками в голосе вымолвил он после некоторой паузы, – вы перепутали дворец с домом законников?

– Я ничего не перепутал, ваше величество! – все так же гневно произнес Талал. – Именно вы наделили преступника властью и полномочиями, поэтому ему не указ ни законы нашего государства, ни правила, ни приличия! И только вы сможете наказать его за совершенное преступление!

Уже к середине этой яростной тирады было ясно, кого имеет в виду сэй советник. Император исключением не стал. Однако уточнил:

– Вы обвиняете Димостэниса в том, что он по ночам грабит чужие дома?

Прервался, давая всем собравшимся проникнуться тем, что только что слетело с его губ.

– Или вы обвиняете меня, что я истратил государственную казну, и теперь мои подданные вынуждены искать средств для существования на стороне?

– Ваше величество, – наконец вымолвил обвиняемый, – не думаю, что сэй Дайонте хотел как-то обидеть вас. Видимо у советника была тяжелая ночь, а утром он решил, что не любит меня еще чуточку больше чем обычно.

Внешнее оставаясь невозмутимым как скала, Димостэнис весь сжался в тугой комок нервов и мышц, а невидимый кинжал в боку провернулся с новой силой, напоминая о том, что нелепость происходящего лишь видимость, которая в любой момент может обернуться для него непоправимой трагедией.

ей.

Талал Дайонте проигнорировал ироничные замечания с обеих сторон и продолжил.

– Я требую, ваше величество, чтобы вы приказали арестовать преступника и предали его в руки правосудия в соответствии с законами Астрэйелля. До этого момента он будет находиться под охраной в моем имении.

– Сэй Дайонте, – голос императора звучал все более угрожающе, – если вы никак не можете остановиться и прекратить этот фарс, я хочу вам все же напомнить, что своими обвинениями в адрес Димостэниса, вы наносите глубокое оскорбление не только ему лично, но и всему Дому Иланди. Вы готовы отвечать за свои слова? У вас есть весомые доказательства? Вы уверены, что хотите начать этот процесс?

Талал Дайонте повернул голову в сторону обвиняемого.

– На месте преступления явно считывается аура того, кто проник в мой дом.

– Ууу, – язвительно, с некоторой ленцой протянул Дим, – вы меня уже почти напугали, сэй Дайонте. Я- то опасался, что я потерял у вас свою печатку или именной амулет. И что же это за аура?

– Серебряная, – не сказал, выплюнул Дайонте, словно самую большую мерзость, какая только попадала ему в рот.

– И все? – засмеялся Иланди. Впрочем, смех давался ему все сложнее. Если поначалу смеяться мешало чувство нависшей угрозы, то сейчас сюда вплетались яркие искры бешен-

ства. – Простите сэй, но неужели в нашем огромном государстве не найдется еще пара-тройка, десяток таких как я? С такой же аурой? Или может, мой дар чем-то необычен?

Он поднял глаза на своего оппонента. Во взгляде советника вспыхнул огонь, жгучий, непримиримый. В этот момент Димостэнис ясно понял, что ненависть, которую испытывает к нему советник нечто более давнее и сильное, чем он себе представлял. И их разгоревшееся противостояние никогда не закончится ничьей. Что сейчас они преступили ту черту, до которой еще берут пленных. Это была война, беспощадная и до самой последней капли крови.

– Придите в себя, сэй, – холодно произнес император, – вы все еще не привели ни единого веского доказательства своим обвинениям. Неужели вы и в самом деле знаете каждого одаренного в Астрэйелле и можете утверждать, что у Димостэниса единственная аура, в которой есть искры серебра?

– Преступник попал в ловушку, – Дайонте сделал шаг назад, щиты вокруг его кожи приняли обычный вид, – по следам крови, которые тот оставил, можно предположить, что он был серьезно ранен. Эти отпечатки прерываются на выходе из подземелья, а потом вор словно растворился в воздухе. Кто бы мог ему помочь?

Дим демонстративно пожал плечами. Настолько, что на его жест обратили внимание все присутствующие.

– Вы нам поведаете, сэй? – он и сам был не прочь узнать ответ на этот вопрос.

– Если конечно у него не выросли крылья, и он не умеет летать самостоятельно, его подобрал ярх, – Талал сделал паузу, – преступник с серебряной аурой, с летуном, который как цепной пес всегда рядом со своим наездником. Согласен, ваше величество, таких тоже может набраться с десяток. одаренный, дерзнувший залезть в имение рода Дайонте, обладающий серебряной аурой и верным ярхом.

В зале повисла тишина. Император сцепил руки в замок, не смотря ни на кого из присутствующих. Дим клял всеми дьяволами Бездны эту злосчастную тетрадь, попавшуюся на его пути и свое неумное любопытство. Однако не применил он тогда силу, избавляясь от ловушки, он бы просто потерял сознание и был взят с поличным.

– Димостэнис, – обратился к нему его величество, – чего ты молчишь? Может, ты просто скажешь, где ты был сегодня ночью, и мы закончим этот неуместный спектакль. Праздник только начинается, я думаю, мы сможем найти за эти дни и более достойные представления.

– Я!? – Дим буквально подпрыгнул на своем месте от возмущения. – Почему я должен доказывать свою невиновность? Это при том, что кроме оскорблений в мой адрес и предвзятых обвинений мы так ничего и не услышали, что могло бы подтвердить слова сэя Дайонте. Любого другого наглеца я бы уже вызвал на дуэль. К счастью для сэя я беру во внимание его почтенный возраст и все бывшее, в том числе и заслуги перед империей и вами, и не заставляю его прини-

мать участие в поединке чести! – он добросовестно подбирал слова и выражения, которые заставляли его противника еще больше терять самообладание. Не то, чтобы Димостэнис ожидал, что сэй Дайонте хватит сердечный приступ и проблема отпадет сама собой, однако, чем больше тот будет нервничать и беситься, тем больше будет делать ошибок и раздражать императора.

– Однако помимо этих нелепых инсинуаций в мой адрес, меня больше всего удивляет другое: неужели я единственный в этом мире у кого серебряная аура, – с самым невинным видом закончил Дим свою речь. – Сэй Дайонте?

Лицо советника превратилось в застывшую маску ненависти и презрения.

– Аура не единственное, что оставляет отпечаток. Есть еще личная энергетика человека, которая вплетена в силовые нити и является бесспорным подтверждением личности. Впрочем, чего вы, сэй Иланди, в силу своего возраста, или неопытности, или..., – советник сделал вид, что мучительно подбирает слова, – некой неполноценности вашего дара, могли не знать. И ваша аура всего лишь признак этой неполноценности

Димостэнис прикусил губу, не давая яду этих слов проникнуть ему в душу. За столько аров пора было уже привыкнуть.

– В вашем опыте мне с вами, сэй Дайонте, не состязаться, но я возьму на себя смелость и предположу, что в силу мо-

его возраста память мне еще не отказывает и подобная процедура может проводиться только в присутствии незаинтересованных свидетелей и собственно, человека, с которого будет считываться его энергетика.

– Поэтому я и прошу его величество дать разрешение на ваш арест и препровождение в мой замок, где мы сделаем то, о чем вы только что соизволили мне напомнить.

– Зачем же утруждать его величество, сэй. Я и сам приеду в ваше имение, тем более, когда вы так настойчиво меня приглашаете, но только после того как вы докажете обоснованность ваших обвинений.

– Хватит! – рявкнул все же вышедший из себя император, – еще хоть слово с любой стороны и я обоих прикажу посадить под арест! Думаю, в дворцовых казематах найдется место для всех желающих!

Дим прикусил язык, подумав, что для него сейчас даже такой вариант один из лучших. В узком пространстве той комнатки, где находилась эта злосчастная книжонка, энергетический след может держаться еще несколько дней, а для шакта такого опыта и силы, как Талал Дайонте не составит труда исследовать эти отпечатки и доказать его вину. Так что в данном случае время выступало на стороне главного советника. Дайонте это тоже прекрасно понимал, поэтому так и бесился. Только вот не имел достаточно весомых аргументов для того, чтобы вынудить императора сделать, чего он хочет.

Димостэнис почтительно склонил голову перед его вели-

чеством, пряча торжествующую улыбку. Ну-ну, сэй хранитель знаний и вековых традиций, что вы еще можете?

– Ваше величество, – неожиданно произнес до этого молчавший Бриндан Пантерри, – если позволите, я могу решить этот затянувшийся спор между сэями.

Улыбка сползла с губ Иланди, по спине медленно поползла стайка мерзких мурашек. Он едва сдержался, чтобы передернуть плечами, словно желая стряхнуть их.

– Окажете большое одолжение, сэй, – Аурино еще не остывший, благосклонно посмотрел на целителя.

– Сэй Дайонте сказал, что преступник, забравшийся в его дом, был ранен, соответственно на его теле должны остаться следы. Возможно, Димостэнис согласится продемонстрировать отсутствие свежих шрамов на его теле? И если из сэев никто не возражает это будет лучшим аргументом либо одной, либо другой стороны.

– Не возражает, – не дав никому сказать не слова, опять высказался император, – Димостэнис, будь добр закончи побыстрее этот балаган.

Несмотря на то что последняя фраза была высказана в виде просьбы, никто из присутствующих не тешил себя иллюзиями. Император больше не просил. Он отдал приказ.

Дим зло фыркнул, показывая, что он думает по этому поводу. Однако перечить не посмел. Снял жакет, бросив его на спинку кресла, развязал шейный платок, дернул шнуровку рубахи.

Конечно свежая отметина, пересекающая его правый бок после посещения подвалов имения Дайонте сама по себе не подтверждала правоту стороны обвинения, но зато давала повод на более тщательную проверку и на то, что император будет вынужден согласиться с доводами одного из Совета Пяти и обеспечить Диму вынужденную прогулку в дом Талала. А уже потом у него начнутся настоящие проблемы.

Иланди стянул с себя рубаху. Неконтролируемая аура вспыхнула на его коже. Ровный четкий серебряный контур. Точно такой же каким он был в том странном месте. Такой, каким он должен был быть всегда. Глядя в перекосившее ненавистью лицо Талала Дайонте и растерянное Бриндана Пантерри, Димостэнис больше в этом не сомневался.

Он и сам слегка потерялся, непривычно ощущая полноту своего энергетического поля.

– Вы довольны, сэй? – голос императора вернул всех в реальность.

Димостэнис спохватившись, бросил быстрый взгляд на свой правый бок, не тронутый никакими шрамами. Спрятал удивление за маской невозмутимости, повернулся к своему противнику.

– Штаны снимать? – едко поинтересовался Дим. – Я слышал, сейчас распространена мода на несколько нестандартные увлечения.

У Талала дернулась щека, и в районе скулы загорелось ярко красное пятно.

– Позвольте, сэй Иланди? – Пантерри сделал один шаг к нему.

– Вы о чем, сэй? – Димостэнис высокомерно приподнял одну бровь.

– О том, – нисколько не смутившись, ответил целитель, – что кожа человека, наделенного даром, в связи с непосредственной близостью энергетических потоков подвергается более быстрой регенерации. Чтобы убедиться, что у вас на самом деле не было никаких ранений в недавнем времени, я проверю наличие или отсутствие следов врачевания и внутренних ран.

Аура на коже высветилась ярче и ощерилась серебряными иголками. Бриндан отступил на шаг.

– Вы отказываетесь? – мерзко усмехнулся Дайонте.

Дим с трудом разорвал свои щиты, кивнул, показывая Пантерри, что тот может приступать.

Целитель подошел почти в плотную, положил ладонь на хъярт, вторую на живот, там, где обычно переплетались потоки энергий, проходящих по телу.

Медленно потекли мгновения. Тик. Тик. Тик. Отмеряя удары сердца. Каждый «тик» казалось будет последним. А что будет после него... никто из присутствующих уже точно не сказал бы.

Тик. Тик. Ти...

Пантерри убрал руки, чуть встряхнул, положил горячие пальцы на виски.

Тик.

Снова одна ладонь на хьярте. Медленно спустилась на живот и замерла там.

Дим поднял глаза. Следуя своему основному правилу: никогда не отворачиваться и не ждать, пока тебя ударят первого. Изучающий взгляд целителя, казалось, проникал в самую душу.

Тик. Тик.

Пантерри сделал шаг назад.

Тик.

Разочаровано покачал головой. Лицо Талала Дайонте вытянулось и застыло в непроницаемой маске.

– Ты уверен?

Бриндан словно извиняющееся пожал плечами.

– Можешь пригласить другого целителя, если сомневался в моей компетентности.

– Вы думаете, я тут целый день буду выступать в роли изучаемого экспоната? – холодно поинтересовался Димостэнис, чувствуя удары своего сердца где-то на уровне живота. И пока оно не спешило возвращаться.

– Сэй Дайонте, вы признаете, что ошиблись в своих обвинениях? – Аурино откинулся на спинку кресла и наконец разжал побелевшие пальцы. Советник нехотя кивнул.

– Остался лишь один вопрос, – медленно произнес Дим, пряча свою растерянность и непонимание происходящего за тем, что приводит себя в порядок. Он уже натянул рубаху и

сейчас крутил в пальцах шейный платок, – как сэй Дайонте ответит за оскорбление, нанесенное мне? Все же я не привык, чтобы меня вот так посреди белого дня, при свидетелях обзывали вором и обвиняли в разграблении домов.

Тем более здесь его совесть была чиста. Можно даже оскорбиться по-настоящему.

– Димостэнис, – вдруг мягко проговорил Пантерри, – может не стоит заострять на этом свое внимание и дальше разжигать огонь непонимания и возможно даже вражды между вашими многоуважаемыми Домами? Талал просто устал, последние миноры были тяжелыми и выматывающими. Каждый может ошибиться. И каждый имеет право на прощение и понимание со стороны близких.

Близких! Дим едва не фыркнул при последних словах советника. Сдержался. Что теперь? Как мог целитель такого уровня не заметить столь явные следы врачевания? Он опять вспомнил разноцветные энергетические нити, проходящие сквозь «ангела», сплетенный кокон, легкость, с которой она погрузила его в сон. И так быстро затянувшийся шрам.

– Сэй Пантерри, – Димостэнис все же решил не искушать судьбу, – вы бесконечны правы. Я не буду держать обиду на сэя Дайонте. В его почтенном и, несомненно, многоуважаемом возрасте можно допустить и не такие ошибки. Простых искренних извинений мне будет достаточно, – и улыбнулся, демонстрируя, что может это делать не менее мерзко, чем его оппонент.

Талал состроив презрительную гримасу, вопросительно повернулся к императору. Аурино развел руками, без слов давая понять, что в следующие мгновения придется делать многоуважаемому сэю.

– Сэй Иланди, приношу вам свои извинения, я был не прав, – процедил тот сквозь плотно сжатые зубы. Еще одно яркое пятно выступило в районе уха.

Дим великодушно кивнул. Император покачал головой.

– Талал, признаюсь вам честно, я очень обеспокоен.

– Ваше величество? – непонимающе свел брови главный хранитель знаний.

– Вы так много делаете для империи, тратите столько своих сил, мне бы не хотелось, чтобы с вами и вправду что-то случилось.

Сэй Дайонте благодарно поклонился императору. Однако, как ни старался скрыть напряжение за учтивостью, видно было, что ничего хорошего от своего воспитанника он не ждет.

– Я прислушался к словам сэя Пантерри и хочу настоятельно порекомендовать вам отдых.

– Что это значит?

– После окончания празднований поезжайте в имение, отдохните, подышите воздухом, отвлекитесь от насущных дел. Думаю, нескольких миноров вам будет достаточно.

Глаза советника налились гневом, ноздри яростно раздулись, а лицо и вовсе покрылось красными пятнами. Дим с

сожалением подумал, что его величество не дотянул немного с количеством миноров. Скажи он не несколько, а три-четыре и сэю Дайонте нужен был бы не свежий воздух, а хороший целитель.

Талал круто развернувшись, гордо прошествовал к выходу, забыв о прощальном поклоне своему повелителю.

– Сэй, – не сдержавшись, бросил ему Дим вдогонку, – если вы продолжите свое расследование и найдете вашего воришку, не будете ли вы так любезны, познакомить меня с ним? Я с удовольствием побеседую с человеком, имеющим такую же ауру как у меня.

Хлопнувшая дверь стала ему ответом.

Глава 5

Димостэнис бросил шейный платок на спинку кресла и сел сам. В боку пульсировала, билась боль. Каленым железом прожигая его изнутри.

– Что с твоей аурой? – поинтересовался Аурино, рассматривая его исподлобья. – Я тебя таким вижу в первый раз.

Димостэнис пожал плечами. Он сам себя видел таким в первый раз.

– Видимо, непосредственная близость Талала Дайонте не оставляет меня равнодушным, – состроил он кислую физиономию, пытаясь удобнее устроиться в кресле. Сейчас бы хорошего целителя. А лучше целительницу... Он неудачно повернулся и стиснул зубы, гася стон, едва не сорвавшийся с губ. Впрочем, подойдет любой. Только вот в ближайшее время он вряд ли сможет обратиться в обители. Дайонте явно будет отслеживать любые его посещения целителей.

– Где ты был сегодня ночью, Димостэнис?

Вопрос не из уст старого друга – холодный четкий приказ императора рассказать правду.

– На этот вопрос не так легко ответить, – Дим весь подобрался, пытаясь оттянуть время, анализируя последствия любого своего ответа.

– Что тебе мешает?

– Тогда будет затронута честь человека, который здесь аб-

солютно не причем, – сделал он свой выбор. Не стал посвящать императора в свои зловключения.

Аурино молчал некоторое время, осмысливая его слова.

– Ты был с девицей?! – изумленно воскликнул он.

Димостэнис развел руками.

– Бывает, – философски ответил он, отмечая удивление в интонациях друга. Впрочем, тот давно уже считал его абсолютно безнадежным в отношениях с противоположным полом.

Император расслабился. Откинулся на высокую спинку кресла.

– Ты – негодяй, Иланди! Я-то думал – ты выискиваешь врагов империи, отлавливаешь вражеских шпионов на улицах Астрэйелля, как минимум просиживаешь в своем штабе, зарывшись в бумагах. А ты пропустил официальную часть Бала Цветов и оставил меня одного потому что проспал в объятиях некой неизвестной девицы?!

Почти.

Аурино захохотал и неожиданно швырнул в главного советника небольшой импульс силы. Их общение всегда основывалось на соперничестве. По любому поводу: от детских игр до занятий в классах; от младенческих забав до серьезных заданий, которые так часто в воспитательных целях им давал отец или наблюдатели; от полетов на ярхах до состязаний, которые они любили устраивать, проверяя свою силу. Не уступая один другому никогда, а за аром оттачивая свое

мастерство и проверяя друг друга на прочность.

Димостэнис, которому сейчас было не до подобных забав, пропустил мгновение, когда плетение Аурино достигло определенной точки и уже поздно было выставлять щит. Он резко оттолкнулся ногой от стола и вместе со стулом упал назад на спину, перекатившись и уходя вбок от очередного выброса силы.

Ком боли, который слегка задремал в последние мены, взорвался с новой силой. Разлетелся вдребезги, осколками разрывая плоть, кровавой пеленой застилая глаза. Дим скорчился на полу, зажимая рукой рану.

В следующее мгновение Аурино жестко схватил его за плечо, разворачивая на спину, бесцеремонно убрал руку, задрал рубаху. В некоторых местах кожа вновь треснула, полилась кровь, пачкая одежду, пальцы императора.

Лицо правителя Астрэйелля окаменело.

– Ты там был, – его губы едва шевельнулись.

«Ты мне врал!» Все сказали его глаза.

Аурино встал, взял со спинки стула платок и бросил его Димостэнису. Тот прижал его к ране, пытаясь остановить кровь.

– Паршивец! Какой же ты паршивец, Димостэнис!

– Я не хотел тебя впутывать!

– Зачем?!

Император метнул в главного советника бешеный взгляд. Дим, не спуская глаз со своего повелителя, открыл хьярт,

выставил щит. Аурино растянул губы в совсем нехорошей улыбке, сделал к нему шаг. Иланди усилил энергетическое поле вокруг себя.

Правитель Астрэйелля склонился над своим подданным, проламывая защиту. Словно хорошо отточенный кинжал по податливому куску сыра. Сильные пальцы твердо взяли Димостэниса за подбородок, лишая подвижности. Спустя мгновения опустили на шею.

– Тебя следует наказать, – глаза императора – лед в застывшей маске ярости, – убавить прыти.

С пальцев шакта сорвалось плетение, ушло под кожу, растворилось в крови. Стало трудно дышать. Нemoщность нака- тило волной, уходя от шеи на грудь, охватило хьярт, опусти- лось на живот, руша энергетические связки. Ошейник бес- силия.

Тело, лишённое энергетической подпитки, погрузилось в пучину боли, по руке полилась струйка крови, которую ему едва удалось остановить. Дим стиснул зубы, сдерживая се- бя. Любую боль можно перебороть. Любые страдания только иллюзии измученного тела. Все лишь в сознании, которое ты должен контролировать.

– Чтобы ты никогда не думал, что можешь вести какие-то игры за моей спиной, – император внимательно наблюдал за ним.

– Я не играю против тебя, – прохрипел Димостэнис. – На- оборот! Я пытался выяснить..., – дыхание прервалось.

Аурино поднялся и вернулся на свое место. Давление исчезло.

– Ты же сам сказал, что доверяешь мне, когда я поделился с тобой своими мыслями насчет имения Дайонте.

– Ты – мой главный советник! Моя правая рука. Мой помощник. Все знают, что ты все делаешь с моего позволения. Ты не имеешь права быть таким непроходимым тупицей!!!

Император вновь вскочил и угрожающе завис над Димом.

– Я сказал, что мы не можем так рисковать! Если бы Дайонте доказал твою причастность к посещению его дома, как ты думаешь, чтобы он сделал дальше?

Димостэнис прикусил губу, откинувшись на пол. Он просто потерял голову, от очередной ссоры с советниками и доказательства их бесспорного превосходства. Он знал, что это не так. Знал, что они всего лишь сборище дряхлеющих ортодоксов, которые готовы удерживать власть любыми способами. Ему нужна была всего небольшая зацепка, хотя бы маленькая улика их неправомерного всевластия. Аурино же всегда был слишком осторожен.

– Сначала он попросил бы твоего полного отстранения, – продолжил император, – затем надеть на тебя ошейник или даже обруч бессилия на несколько аров. Так чтобы вопросы о твоём даре уже просто отпали бы сами собой. Потому что ты не выдержишь такое время без энергетической подпитки!!! И естественно, чтобы ты уже совсем не мешал Совету, потребовал бы твоего заключения.

Правитель Астрэйелля зло выдохнул.

– Потом Совет Пяти обвинил бы меня в том, что я, руководствуясь личными мотивами принимаю неправильные решения. Опираясь на законы и ссылаясь на мою молодость, неопытность, горячность, они объявили бы о моей несостоятельности и незрелости как правителя, вновь задвинув за свои спины. Разрушили бы все то, что я успел сделать за последние три ара. Отменили законы, урезонили сторонников, выставили посмешищем перед знатью и всеми моими подданными!

Император задохнулся, прервался. Швырнул мощное плетение в противоположную стену, отчего висевшая на ней массивная картина с его собственным изображением раскололась пополам и одна часть с грохотом рухнула на пол. В стене осталась приличных размеров выбоина.

Димостэнис не отрываясь, смотрел на оставшийся кусок изображения его величества.

– Удалось что-нибудь узнать? – император откинулся на спинку кресла.

Иланди поджал губы. Энергетические волны, идущие от того, кого по праву считали самым сильным шактом империи, были большим испытанием для любого, кто имел несчастье попасть под их разрушительную мощь. Для человека, у которого из дыры в боку хлестала кровь, к тому же энергетически истощенного ошейником бессилия – это и вовсе было невыносимо. Почти несовместимо с дальнейшим пребы-

ванием в этом мире. Однако, что для императора такая мелочь, как жизнь одного советника? Случись что, у него еще пять останется...

– Надо было еще раз обсудить это со мной, – с нажимом проговорил Аурино, проигнорировав его попытку обидеться. – А не бросаться одному очертя голову.

Дим молчал. Император продолжал испытывающе буравить его взглядом.

– Я узнал, что они мне ввали все эти ары, – глухо произнес советник, – говорили, что мое серебро – последствия той травмы. Называли неудачником и неумехой. Всю жизнь убеждали меня в мысли, что я полное и безоговорочное ничто! Да ты и сам слышал, что Дайонте сказал всего лишь несколько мен назад!

– Ты что-то выяснил по поводу своего дара? – император подался вперед.

– Там был старинный дневник, закрытый какими-то сильными плетениями и одно из них, состояло их энергии похожей на мою. И именно серебро помогло мне выбраться из ловушки. Я хочу узнать, кто я!

– Ты же помнишь, какое мое заветное желание, Димостэнис?

Император наконец отвернулся. Иланди судорожно втянул воздух в легкие и стал тихонько подниматься по стенке. Пора уносить ноги, пока его величество не придет в себя и не вернет себе хорошее расположение духа.

– Если ты поможешь мне исполнить мое желание, обещаю, я обязательно исполню твое.

Димостэнис кое-как перевязал рану, надел жакет, надеясь, что его плачевное состояние не очень заметно и стоял, ждал, когда император соизволит отпустить его.

– Можешь идти, – правитель Астрэйелля махнул рукой.

Главный советник склонил голову и пошел к выходу.

– Димостэнис!

Иланди обернулся.

– Не лги мне больше! – император величественно поднялся со своего кресла. – Я, Аурино Стефан Эллетери, правитель Астрэйелля и всех живущих под моим покровом спрашиваю тебя, Димостэнис Лауренте Иланди, готов ли ты служить мне верой и честью, отдать свою руку, сердце и хьарт, положить жизнь на защиту своего повелителя и всей империи?

Ритуальная фраза. Клятва вассала своему сюзерену. Каждый подданный обязан принести присягу в верности своему императору и империи в целом.

Почти три ара назад Аурино освободил Дима от прохождения этой церемонии.

Димостэнис отошел от двери, опустился на одно колено, приложил руку к хьарту и склонил голову.

– Я, Димостэнис Лауренте Иланди, по крови принадлежащий Дому Иланди, клянусь служить Вашему Величеству, отдать на защиту Вашего Дома свою руку, сердце и хьарт и

быть верным Вам до последнего вздоха.

Их отношения всегда строились на другом.

– Иди.

Димостэнис медленно шел по длинным коридорам императорского дворца. Все тело было ватным, а мир виделся, словно сквозь призму мутного стекла. Приглушенные ошейником бессилия чувства, свернулись в маленький комочек где-то на уровне болезненно сжимающегося хьярта.

Три ара назад приступив к своим обязанностям в должности главного советника, Дим точно знал с чего ему нужно начать. Наездившись по городам и селам и в полной мере осознав, что происходит в стране, он был уверен, что начинать надо не с улиц, а с дворцовых коридоров.

Рыба гниет с головы. Однако вопреки всем устоявшимся правилам, именно с головы он и начал ее чистить. Безжалостно, жестко, уверено, так, чтобы ни у кого не возникло сомнений в том, что он имеет право это делать. Методично, вскрывая застаревшие язвы на теле государства, главный советник перетряхивал ведомства и структуры, смещая с должностей и отправляя в отставки. Череды громких арестов, ссылок, изъятия наворованных ценностей в пользу казны заставили чиновников сорваться с насиженных мест и мчаться в столицу за защитой своих высоких покровителей.

Император отдавал своему советнику горы писем и жалостливых челобитных.

– Вижу, ты всерьез взялся за дело.

– Я делаю то, о чем ты меня просил.

Аурино кусал губы.

– Они никогда мне этого не простят. И будут держаться за Совет. Я хотел другого. Мне нужны мои подданные.

– Они всегда будут за Совет, чтобы ты не сделал. Тебе нужна свежая кровь, которая даст толчок для зарождения новой империи. Те люди, которых ты поставишь на освобожденные места и которые даже мечтать не могли об этом, всегда будут помнить, кто им дал эти блага. Мы создадим коалицию преданных тебе Домов, которые будут служить верой и честью и станут опорой трона и твоей власти.

Прошедшие ары показали, сколь мудрое решение они приняли. Совет Пяти и поддерживающие его Дома были отодвинуты в сторону и больше не могли так остро влиять на жизнь страны. Молодой император сделал пьянящий глоток свободы и на страну повеял ветер перемен. Аурино Эллетери заставил людей повернуть голову в его сторону, показывая, что в государстве теперь есть истинный правитель.

Дим в раздражении ударил раскрытой ладонью по мраморным перилам. За эти ары они сделали много. Настолько, что даже Совет Пяти слегка сбавил обороты и перестал давить на своего воспитанника. Нет, они не ушли в сторону, не отдали бразды правления, все так же цепляясь за первые места, но притихли, слегка уgomонили своих сторонников и стали ждать. Когда их питомец, так страстно желающий выйти из-под опеки, наконец ошибется и сделает неверный шаг.

И он — главный помощник и опора своего императора едва не оправдал их ожиданий. Последняя сцена в кабинете императора никак не выходила у Димостэниса из головы.

... карты они сумели раздобыть еще почти ар назад, как только зародилась идея исследовать подземный мир усадьбы. Много-много ночей кропотливо перечерчивали и переносили все объекты, входы, выходы, все пути, чтобы не заблудиться и не остаться в этих лабиринтах навечно. Так же осторожно вернули, вложив в огромный том книги, которую без спроса взяли в главной библиотеке дома, и почти целый минор тряслись, когда пристальный взгляд главы семейства ни с того ни с чего пробежал с одного на другого.

А потом подвернулась удача и Дим смог взять ключ у отца на несколько сэтов и сделать точно такой же у сына кузнеца, заплатив ему полновесным золотым.

Выбрали ночь, когда, обманув всех наблюдателей, сутками напролет неустанно следивших за ними, с самого первого момента появления Аурино в доме, открыли вожаденную дверь, ведущую в подземные лабиринты дома.

Это было настоящим большим приключением. Узкая темная дорога, выложенная камнями, пока они еще не вышли за пределы замка, скрытые пещеры, мрачные лазы, земля, которая постепенно стала приходить на смену каменной выкладке, неровная, бугристая, все время норовившая ударить по уставшим ногам, капли воды на стенах, собирающиеся в ручейки.

Когда уже силы были на исходе, и казалось, конца этого пути никогда не будет, наконец услышали гул.

— Есть, — Дим устало провел рукой по волосам, — река, еще несколько поворотов и мы выйдем к озеру.

Он не ошибся. Вскоре мальчишки вышли к месту, где была свое начало подземная река. Вода билась о скалы, вспенивалась, поднималась вверх и уходила в камни, поворачивала, продолжала свой неумолимый бег. Они прошли еще чуть вперед за ней и свернули в грот, обозначенный на карте. Здесь был долгожданный выход через озеро, образовавшегося от одного из притоков и уходившего под скалы.

Аурино, забыв об усталости, потряс факелом, издал победоносный клич и двинулся вперед. Димостэнис застыл. Здесь все искрило серебром. Такого он еще не видел. Озеро, камни, даже воздух были поддержнуты серебряным маревом. Он как зачарованный обводил глазами своды пещеры, вековые камни, застывшую воду. Сколько аров они все так же величаво стоят здесь? Сколько мощи в этих серых стенах? В недвижимом застывшем воздухе?

Интересно, а Аурино чувствует это?

— Дим, — слышался приглушенный, тревожный голос товарища, — я не могу двинуться.

— Что? — Дим резко повернулся и увидел друга застывшего посреди очередного входа в тоннель.

— Я не могу двинуться, — повторил тот.

— Но..., — Димостэнис сделал шаг к нему.

– Не подходи! Ты тоже попадешь.

Мальчик остановился. Энергетический капкан. Конечно, как они могли не подумать об этом?! Подземные ходы, ведущее в его дом, поместье, в самое сердце рода Иланди не могли не быть защищены.

– Что теперь делать, Аурино? Ты совсем не можешь пошевелиться?

– Дышать, – прохрипел пойманный мальчишка, – трудно дышать. Грудь...

Было жутко смотреть на корчившегося в невидимой паутине друга и видеть, как тот мучается.

Что делать?

Они два потомка семей с ярким даром Шакти, но еще не достигшие того возраста, когда входишь в обладание силой, даже не видели эту ловушку.

Единственный выход – бежать за отцом или братом, которому уже исполнилось восемнадцать аров, и который окончил первый класс по обучению владением энергопотоками.

Они шли сюда больше трех сэтов. Даже если он сможет пробежать всю дорогу, не останавливаясь, а потом еще вести назад того, кто сможет помочь, будет слишком поздно. От Аурино даже мокрого места не останется или в лучшем случае кучка пепла. Какие формулы здесь были сплетены?

Пойманный мальчик застонал, из носа побежала тонкая струйка крови.

Что делать?!!!

У человека, наделенного даром Шакти, его способности проявляются самое раннее к семнадцати арам, чаще к двадцати, когда организм уже сформирован и готов выдерживать такие нагрузки. Кости, мышцы, сосуды, а самое главное хьярт, полностью укрепленный защитной тканью, готовый принимать и транслировать силу стихий.

Что делать?

У Аурино закатились глаза, он больше не подавал признаков жизни. Димостэнис сжал кулаки. Страх смешивался со слезами. Ярость от своей полной беспомощности и ужас близкой потери друга не давали дышать, словно он сам попал в эту ловушку. Именно эти два сильных чувства подтолкнули его к решительным действиям. Сколько они с Аурино засиживались допоздна в библиотеках под предлогом, что учат правила грамоты, на самом деле изучая теорию обладания силой!

Расслабиться, не противиться и дать энергиям стихий повелевать тобой. Здесь этого было много, так много, что даже в свои двенадцать аров Дим почувствовал их мощь.

Кончики пальцев дрогнули, потом в них закололо, как будто по ним пробежали железной щеткой. Острая игла вошла в позвоночник где-то на уровне шеи, хотя тут же иглы пробежали по всей спине до поясницы и обратно, в груди что-то взорвалось, и он, закричав, упал на колени, не в силах совладать с этой болью.

От его крика очнулся Аурино.

– Дим, – захрипел он, – ты что...

Димостэнис застонал, чувствуя по рту соленый привкус крови из прокушенной губы и красную пелену перед глазами. Он попытался открыть их, сомневаясь, что это что-то даст. В глаза ударил свет. Яркие краски, в десятки раз ярче, чем до этого заставили наполниться глаза слезами. Теперь он видел каждую каплю в слаженном течении воды, каждую трещинку в застывших скалах и многочисленные оттенки серого, окружающих его камней. Каждый из них был окутан сиянием, каждый искрил, и искры складывались в причудливые нити, которыми была исчерчена вся пещера.

Димостэнис поднял глаза и увидел прочную сеть, спеленавшую его друга. Протянутая с одной стороны входа в тоннель, она крепко держала своего пленника, оплетая его руки, ноги, грудь, шею, голову, с каждым мгновением затягиваясь все сильнее. Не защищенные одеждой пальцы и запястья уже были в крови, иссеченные острой нитью. Еще чуть-чуть она прорежет плащ и перережет шею, а потом искромсает своего пленника на куски.

Димостэнис со стоном поднялся и, с трудом переставляя ноги, добрал до Аурино. Взял нить, не совсем понимая, что делает. Этого в учебниках по теории не было. Как вызволить друга он не знал, поэтому решил поступить так, как обычно поступают со всеми нитями – разорвать ее. Он дернул, но плетение не поддавалось. Не обвилось вокруг него, не причинила ему вреда, но и не отпустило свою добычу.

Мальчика разрывало на тысячи частей от бьющей в нем энергии. Ему казалось, что тело просто распадается на отдельные составляющие, но этого было недостаточно, чтобы спасти друга.

Димостэнис открыл глаза. Земля искрилась от переполняющей ее мощи. Она была рядом и проходила сквозь него, а у него не хватало ни опыта, ни знаний, чтобы остановить ее, задержать в себе, усилить свои возможности. Эта сила убивала его, но ее все равно не хватало для того, чтобы вызвать Аурино. Даже в таком состоянии он ясно осознавал – еще несколько мгновений и его друг умрет.

Все так же держась за сеть, поднялся на ноги. Искры, искры, искры – они складывались в нити, в блестящие серебряные нити, а из которых плелось полотно мира. Он тоже был искрой. Димостэнис мысленно потянулся к этому единому целому, соединяясь с ним.

Это было неожиданно, но боль отступила. Нити уже не казались чем-то чужеродным и непонятным. Они его приняли, признали своим, заключили в свои объятия. И он так же как они радовался этой встрече.

Возвращайся.

Димостэнис качнул головой. Нити сжались, не отпуская. Ты не можешь остаться с ними.

Дим. Дииим! Дим!!!

Нахлынула боль. Он снова почувствовал холод камней, идущий отовсюду и вкус крови во рту.

Аурино! Это его голос он слышал, это он звал. Димостэнис резко повернулся к другу, но тот все так же был без сознания. Удивляться времени не было.

– АААААААА! – Дим изо всех сил рванул нить, которую держал, и она легко разъехалась под его пальцами. Кровь уже заливала глаза, казалось, она была везде – проступала сквозь кожу, текла из носа, из ушей, изо рта, он весь сочился кровью. Так же, как и искрами, которые плясали по нему, образуя защитную ауру серебристого цвета. Он изумленно смотрел на свои руки, покрытые этим легким свечением. В груди все же что-то разорвалось и, не имея никакой опоры, Димостэнис упал, теряя сознание и полную связь с только что баюкающим его миром. Он не чувствовал, как на него упал освобожденный Аурино, как тот тряс его, пытаясь заставить открыть глаза, как тащил через все подземелье. Как смешивались их боль и кровь, как другие уже совсем невидимые нити связывали их в единое целое. Части которого уже никогда не смогут существовать друг без друга...

Длинные коридоры дворца были пусты. Если, конечно, не считать стражей безмолвно застывших у покоев его величества и прислужников деловито перемещающихся туда-сюда. Димостэнис завернул в небольшой зал, в котором всегда стояли бокалы с водой и холодными травяными напитками. Здесь обычно собирались девицы, якобы поболтать друг с другом, на самом же деле, еще раз покрасоваться перед императором, когда тот будет идти из своих покоев. Вымерли

что ли все? Что происходит?

И только когда вышел на открытый балкон, с которого открывался вид на большой парк с фонтанами, понял, в чем дело. Вернее, вспомнил. Вторая часть праздника – открытие летнего дворцового сада, который будет цвести и ублажать своим видом императора и его придворных весь сезон и до конца варны²⁶. Каждый ар садовничие после сезона дождей приводят сад в порядок, подстригают газоны, высаживают новые деревья, убирают старые или пострадавшие во время ливней, рассаживают клумбы с цветами.

По традиции в сад первым должен войти император, а потом он открыт для любого желающего. Там расставляются скамейки, беседки, площадки для игр и все обитатели дворца переходят из темных и надоевших за два минора дождей стен в сад на свежий воздух. Правда, когда наступает невыносимое пекло хэлла, все стараются вернуться назад под сень более гостеприимных стен. Однако это напрямую зависело от императора. Насколько он переносил жару в тот или иной день

Спустившись по лестнице, уже у самого выхода в парк Димостэнис столкнулся с девицей одиноко стоящей возле одной из колонн. Услышав шаги, девушка повернулась и слегка улыбнулась.

– Доброго вам дня, сэй.

– Приветствую, сэя, – он слегка склонил голову, отмечая,

²⁶ Варна – третий, самый жаркий период на Элиасе.

что видит ее впервые. Именно это обстоятельство, вкупе с золотыми локонами незнакомки, дало ему полное представление, с кем он имел честь столкнуться. Все кровные представители Дома Дайонте были рыжими: от огненно-горящих шевелюр до волос цвета спелой пшеницы.

Ему сегодня несказанно везло с этим семейством!

В отличие от многих придворных красоток, соревнующихся в вычурности причесок и обилии драгоценностей, ее волосы были заплетены в косы и украшены живыми лилиями. Так же как и ее платье золотистого цвета, начиная от высокого воротника, застегнутого на все пуговицы, по традиции империи, до широкой легкой юбки, струящейся по ногам. У нее были желтые глаза с едва заметными вкраплениями золотистого цвета, аккуратный чуть вздернутый носик, слегка припухлые губы и россыпь веснушек по всему лицу.

Довольно-таки милая.

Подумать большее о какой-либо придворной девице было выше его сил.

Еще Димостэнис никак не мог увидеть ее дара. Он непроизвольно поднес руку к шее. Удружил его величество!

– Вы себя плохо чувствуете? – она по-своему истолковала его движение. И сделала несколько небольших шагов, приблизившись к нему.

– Думаю, что со своим самочувствием я разберусь сам, – резко ответил Дим, помрачнев еще больше. Это Талал ее напугал?

По милому личику скользнула тень обиды. Однако она по-прежнему стояла на самой границе дозволенности, словно чего-то ожидая от него.

– Я думала вы другой.

– Разве я давал вам повод хоть как-то обо мне думать? – этот нелепый разговор выводил его из себя все больше. Он и сам не понимал почему. То ли потому что она была Дайонте, то ли ему надо было хоть на ком-нибудь выплеснуться.

– Вы всегда такой грубый или у вас сегодня ночь не задалась? – девушка бросила на него уничтожающий взгляд и наконец отошла.

Ха! После раунда с ее отцом, это было даже забавно.

– А вы всегда интересуетесь тем, как проводят ночи незнакомые вам мужчины?

– Только когда они ведут себя как неотесанные мужланы! Пытаюсь понять причины!

Даже с вздернутым кверху носом, она едва доходила ему до подбородка.

Димостэнис прикусил губу.

– О! Сэя! Я могу искупить свою вину перед вами.

– ?

– Дать вам совет, – он поклонился, соблюдая все правила придворного этикета. – Вы ведь недавно прибыли ко двору. И не совсем правильно выбрали место.

Она непонимающе нахмурилась.

– Для чего вы здесь стоите одна? Когда, посмотрите, – Дим

кивнул в сторону придворных, собравшихся у входа в парк, — все ждут его величество именно там.

— Что вы хотите этим сказать?

— Что коридоры дворца длины и извилисты и император может пойти любым путем и совсем необязательно тем, где находитесь вы. Вы рискуете его пропустить.

Она вспыхнула, веснушки на ее лице словно налились огнем.

— Вы ревнуете, сэй?

— Кого? — не понял он.

— Его величество! — отрезала девушка. — Пусть я и не так давно прибыла ко двору, но даже я знаю, что вы всегда с ним вдвоем. Может, вы боитесь, что кто-то займет ваше место? И вы останетесь не у дел?

Дим задохнулся. Открыл было рот, чтобы достойно ответить, когда сзади послышались хлопки. Все еще оглушенный ошейником бессилия, он не смог почувствовать приближение Аурино. Настроение, которое и без такого досадного промаха трепыхалось в предсмертных конвульсиях, приказало долго жить, оставив своего хозяина один на один разбираться с рыжеволосой пигалицей и подоспевшим к ней подкреплением.

— Bravo, сэя! Рад снова вас видеть! Вас обижают? — император, который явно не остыл за столь короткий срок, был не прочь еще раз наказать главного советника за недавние проступки.

– Ваше величество, – Димостэнис весь подобрался. Отступать с поля боя, не дав последнего сражения, он не собирался, – может, выделите для прекрасных сэй отдельные коридоры? Тогда их утонченно-возвышенные натуры будут лишены возможности каждый день сталкиваться с грубостью и неучтивостью недостойных их неотесанных мужланов.

Девушка вздернула верх подбородок.

– Еще лучше, ваше величество, построить отдельные обители. Где будут врачевать от хамства, дурного воспитания и, – она смирла главного советника взглядом с головы до ног, нарочито презрительно скривив губы, – плохого настроения. А лекарством станут обучение хорошим манерам и развитие положительных качеств. И полное изолирование от общества!

Несмотря на то что придворные, увидев императора, уже подтянулись поприветствовать его величество, вокруг царила тишина. Мертвая. Конечно, не каждый день можно было видеть, как Димостэниса Иланди отчитывает какая-то девчонка.

Настроение встрепенулось и скакнуло до отметки «бешеный зверь». Видят Боги, он хотел пройти мимо.

– Вы правы, сэя, – не терпящий никаких возражений голос императора, заставил советника проглотить уже заготовленные слова, – когда у Димостэниса плохое настроение он становится невыносим. Позвольте мне хоть как-то загладить его вину и не допустить, чтобы ваш первый день пребывания во

дворце был омрачен грустными воспоминаниями. Вы составите мне компанию, Олайя? Прогуляетесь со мной до сада?

Аурино протянул девушке руку, затянутую в перчатку.

– Сэя, – все же прервал наметившуюся идиллию Димостэнис, не умеющий сдаваться, – я хочу вам принести извинения за свое поведение. А самое главное забрать назад свои советы. Вы и без них неплохо справились с поставленной задачей.

Она сделала вид, что не заметила в его голосе неприкрытую издевку. Благосклонно кивнула, даже не взглянув, положила свои тонкие пальчики в красивой ажурной перчатке, искусно украшенной лепестками лилий в ладонь императора.

Голубые горы представляли собой три замкнутых круга гребней, самый высокий из которых достигал более пяти тысяч еров. Застывшие вулканы, цепочка озер, мощные водопады. Реки, опоясывающие подножья, непроходимые болота, трясины и мошкара. Безжизненно, пусто, тихо. Здесь не было животных, сюда не прилетали птицы, лишь островки воды среди застывших скал и мелкие кустарники с неприметными голубыми цветами, которые непонятно как проросли на голых камнях.

Хорун приземлился на относительно большой, ровной площадке на берегу озера. Димостэнис осторожно слез с ярха, огляделся вокруг, чувствуя всем своим существом силу,

которой было пропитано все вокруг. Подошел к безмятежной глади воды – энергетические потоки, идущие из глубин, даже на поверхности образовывали плотную сетку. Здесь можно было выровнять свой внутренний баланс, попытаться залечить рану, так как в ближайшие несколько дней, а то и больше, пока Талал Дайонте не остынет и не оставит попытки обвинить его в проникновении в свое жилище, обители и целители стали для Дима неосуществимой мечтой.

Как и сегодня утром, он встал на колени перед озером, чувствуя уже знакомое легкое покалывание. Наполнил ладони водой. С раздражением разжал руки, выплескивая то, что набрал.

Кого он пытается обмануть? Не за этим он сюда прилетел. Не ради этого нарушил всевозможные правила и, рискуя вызвать еще большее неудовольствие Аурино, в самом разгаре покинул Бал Цветов. Димостэнис надеялся встретить здесь «своего ангела». Ее образ прочно засел у него в душе. Темный силуэт, длинная прядь волос и огонь, который до сих пор горел в нем.

Наверное, глупо было надеяться вновь увидеть ее здесь. Скорее она была такой же незваной случайной гостьей, как и он сам. Однако пока была хотя бы призрачная надежда, Димостэнис продолжал верить и бороться. Он принялся обследовать это странное место, обходя озеро за озером, ущелье за ущельем, пытаясь найти следы или хоть какую-то зацепку. Тщетно. Никаких следов. Не здесь ее надо искать. Димо-

стэнис поднял голову и, упрямо сжав губы, посмотрел на восток, туда, где в закатном мареве растаяла Талла. Снизу, с болот начал подниматься густой туман. Рваными неровными клочьями, то открывая, то закрывая горные вершины и склоны.

Царство голубых цветов и зеркальных озер он покинул лишь, когда лучи звезды вновь осветили небосклон. Целая ночь призрачных надежд, застывших к утру в лед разочарования.

Глава 6

Сотни аров назад ярхи были основным способом передвижения для шакта. В те далекие времена одаренный без собственного летуна вызывал чувство глубокого удивления и даже презрения. Города были сплошными летными площадками. Дома постоянно повреждались большими телами животных, которым было все равно, где приземляться, ломались деревья от взмахов могучих крыльев, выкорчевывались камни от любых резких приземлений или взлетов. Тогдашнему императору надоел хаос и разруха и он запретил полеты на ярхах в столице и во всех крупных городах. Позже этот запрет распространился и на более мелкие селения и дошел вплоть до маленьких деревушек.

Наездники пересели на лошадей, и полеты на ярхах остались развлечением, данью былым традициям. Стойла были вынесены на открытые площадки вне жилых поселений. Впрочем, у знати, одной из любимейших забав которой оставались воздушные гонки, были свои летуны, а для остальных, полеты на ярхах уже давно превратилось в пустую забаву, к тому же требующую больших финансовых вложений.

Для Димостэниса летать на ярхе было так же естественно, как передвигаться на своих двоих. Он не мог себе представить жизни, в которой не будет его любимца. Император, зная его слабость (благо у главного советника их очень

немного), наделил его особыми полномочиями, разрешающими полеты в пределах любых жилых поселений.

Хорун опустился на землю, опустив мощное крыло, приглашая наездника в полет. Миг – Дим уже устроился на привычном месте, второй – и летун взмыл в воздух, мягко оторвавшись от земли. Ветер ударил по лицу, от предвкушения удовольствия требовательно занял хьярт. Одаренный всем своим существом ловил потоки чистой энергии, освобождаясь от усталости, боли, щемящего груза проблем.

Хорун был летуном Иланди – старшего. Дим частенько понимался ввысь вместе с отцом на ярхе на его сильной спине, слушал шуршание крыльев, пытаясь понять тихое урчание. Когда пришла пора выбирать своего собственного летуна, он попросил у отца отдать ему Хоруна и не ошибся. Ярх, не смотря на свой уже довольно зрелый возраст, ни разу не подвел его, даже в самые трудные их времена, когда он сам был слишком молод и неопытен, и когда будущее было более чем неопределенно.

Им никогда не нужны была узда и шпоры, ярх всегда чувствовал своего наездника. Дим не раз спал, уютно устроившись в седельном углублении или просто расслабленно лежал, наслаждаясь мерным шуршанием крыльев и довольным урчанием Хоруна, когда тот парил в воздухе. Иногда Димостэнису казалось, что ярх даже понимает, что именно он говорит, по крайней мере, всегда выполнял любые просьбы, приказы, пожелания.

– Спасибо, дружище! – Димостэнис прыгнул с летуна, приземлившись на небольшом пустыре недалеко от неприметного здания почти на самой границе с нижним районом города. Он поблагодарил ярха, отдав старому другу почти половину своих энергетических запасов. Толстая шкура впитала плетения как губка, Хорун удовлетворенно «урррркнул» и исчез в ночном небе.

После разговора с советниками и очередной ссорой с Аурино Дим чувствовал себя разбитым и словно пустым. Однако так часто именно здесь среди доказательств своей правоты и того, что все что им делается, делается не напрасно, он находил в себе силы не раскисать и идти дальше.

В доме был темно. Димостэнис подошел к двери, отмечая, что охранные линии разомкнуты. Усталость как рукой сняло. Он подобрался, слегка усилил щиты и незаметной тенью скользнул внутрь. В одной из комнат Дим явно ощутил присутствие человека и тихий шелест бумаг. Повесив на пальцы боевой плетение, он неслышно толкнул дверь и сделал шаг вперед.

Ориф поднял голову и приветственно кивнул.

– Решил размяться на ночь?

Димостэнис послал ему улыбку, которая должна была обозначать ответную остроту и, закрыв за собой дверь, прошел в комнату. На столе горел совсем небольшой огневичок, освещая лишь небольшую часть бумаг и лицо напарника.

– Давно ты здесь?

– С самого утра, – оповестил его первый помощник, – тебя жду. И не только я. Сегодня все как с цепи сорвались, а за не имением тебя, накинулись на меня.

– Что-то серьезное? – Дим слегка усилил свет огневика, доводя освещение до уровня комфортности, и расслабленно откинулся на спинку стула.

– Рутину, – пожал плечами помощник, – только Клита как всегда все не устраивало, но со мной, естественно, он делиться своими волнениями не стал. Схватил Айбера, и они куда-то унеслись.

– И ты ничего не узнал?

– Что-то о Диксеритти, буркнул, что мол тот воду мутит. Как будто он мне что-то скажет. Вдруг я отберу его лавры и тебе расскажу вперед него.

– Может вам хватит уже грызться? – не очень искренне пожелал глава службы, – одно дело все же делаем.

– Как будто тебе это не нравится, – Ориф даже не сделал попытку принять рекомендации начальства за чистую монету.

– Тогда рассказывай, что у тебя. Удалось, что узнать?

Напарник отложил перо, поправил манжеты изысканно-безупречной белоснежной рубахи, несмотря на то, что уже давно был вечер. Темные кудри, глубокие карие глаза, элегантный сюртук, несмотря на вынужденную строгость, как всегда выглядевший умопомрачительно дорого и сидевший на нем минимум как на наследном принце. В другом

образе Дим видел своего первого помощника только раз – в рубище мюрдженских смертников, но об этом периоде его жизни, так же как историю их встречи и начала взаимоотношений они негласно договорились держать строго между ними.

– Агенты Мюрджена активно вербует наших людей. У них целая сеть и они неплохо преуспели в этом. Пока мы гоняемся за их тряпками да бочками с вином, они крутят у нас под носом совсем другие дела, – не видя особого удивления на лице Димостэниса, он чуть растеряно протянул, – ты знаешь?

– Я тоже работаю, – едко ответил Дим.

– Ууух ты! – отправившись от смятения, парировал помощник.

Порой Иланди ловил себя на мысли, что от этого наглеца он терпит куда больше, чем от кого бы то ни было. После их совместного приключения в приграничной крепости Мюрджена, Дим нашел парня через три минора в том же поселении, где они и расстались. Тот успешно занимался тем, с чем сейчас усердно борется: а именно контрабандой запрещенных товаров. И судя по состоянию, которое успел сколотить, не плохо в этом преуспел. Они проговорили полночи. Орифпил вино из черного винограда, производимого в долине, а будущий глава тайной службы слушал то, чего он не знал о жизни Астрэйелля.

– Скажи мне, что там у тебя с этим учителем начальных

классов? Как кстати называется его кружок самодеятельности? «Столп справедливости» или «Жернова справедливости», «Дети справедливости»? Что-то через чур популярна в последнее время эта штука стала. Справедливость. Не находишь? – Дим устало провел рукой по лицу. – Может вовсе ее отменить? И сразу проблем станет меньше.

Помощник фыркнул.

– Астрэйелль первое государство, где официально отменена справедливость. Так что не обессудьте подданные его величества. Таковы законы.

Он подошел к стеллажу и достал увесистую папку, которую положил на стол перед начальством.

– Вот, я подготовил отчет.

Иланди удивленно приподнял брови.

– Уже успело набраться столько материала?

– Его зовут Виррон Диксеритти, он родом из Эфранора, вырос в приемной семье. Его родители попали под репрессии после гибели императора. Его отличие от всех – он не создает партий, он ни к чему не призывает, у него нет лозунгов.

– Чего же он хочет?

– Он несет идею, – Ориф сделал паузу, – он проповедует, что шакты и смертные равны и одни не должны подчиняться другим.

Димостэнис презрительно скривился. Смертные. Они потеряли этот шанс – быть равными – сотни аров назад, и все

никак не успокоятся.

Считается, что раньше в те времена пока на Элиас не обрушилась катастрофа, уничтожившая почти все живое, жила другая цивилизация. У них не было людей, которые могли управлять энергетическими потоками. Они не умели видеть, брать, использовать, не могли помочь природе расходовать копившуюся веками мощь.

Случился страшный апокалипсис. Вода, вышедшая из берегов, затопила земную твердь, отвоевала себе части суши, забрала десятки тысяч людей в свои глубины. Огонь, вырвавшийся из недр гор, сжигал все до чего мог дотянуться. Земля оцетинилась новыми буграми – скалами. Свирепствовали ураганы, выкорчевывали деревья и разрушали города.

Стихии бесновались в страшном танце смерти, забирая с собой войны и распри, разрушая достижения и успехи, уравнивая добро со злом, правду с ложью, любовь с ненавистью, не оставляя даже надежды...

Когда все успокоилась, и новая умиротворенная планета предстала перед несколькими сотней выживших, оказалось, что мест, где можно строить новую жизнь осталось не так уж много. Три четверти суши навсегда забрала вода, а остальное – Мертвые выжженные равнины, скалы и вечный не тающий лед на севере – там, куда Талла почти никогда не заглядывает. И среди всего этого «великолепия» небольшие островки суши, где человек сумел бы приспособиться и отвоевать свое право на жизнь.

Сумел. Приспособился. Отвоевал.

Эра после Энергетического Взрыва. Стали рождаться новые жители. Среди них те, у кого в груди было второе сердце. Хьярт.

Началась охота на ведьм. Одаренных боялись, ненавидели и уничтожали. Смертные старались, неплохо преуспевая в своем стремлении стереть с обновленного лица Элиаса выродков, каковыми считали всех тех, кто мог видеть энергию стихий.

Пришла новая беда. Сначала робко постучалась в двери нового мира, потом требовательно забарабанила кулаками, а потом и вовсе безжалостно распахнула врата, втягивая людей в затяжной кровавый период Большой Войны. В котором люди уничтожали шактов, шакты – людей. Одаренные оказались сильнее, сама природа помогала им, делилась своей силой, наделяя возможностями, о которых простые смертные даже не знали. Шакты выиграли эту войну и поставили на колени тех, кто десятками аров глумился над ними, не признавал, уничтожал.

Рожденные с даром объединились в одну большую силу и создали свою империю, которая стала главенствующей в новом мире. Империя новая, обиды старые. Их не собирались прощать или забывать. Смертные остались на задворках жизни.

– Знаешь, я все же искренне не понимаю, – вдруг произнес Ориф, – почему империя столько аров жила, да и про-

должает жить по варварским законам? И ни правитель, ни один из правящих Домов не хотят ничего видеть.

– Варварским? – Дим едва заметно сузил глаза. Это был увесистый камень и в его оконце в том числе.

– Да возьми хотя бы основной закон империи – запрет союзов между одаренными людьми и неодаренными.

– Ребенок с силой шакти рождается только в семьях одаренных. Шакты просто вымрут, если будут смешивать свою кровь с кровью смертных. На этом и строится наш основной закон. Императору в первую очередь нужны полноценные подданные.

– Вот! – Ориф поднял вверх указательный палец, – ты сам это и сказал. Полноценные подданные! А люди без дара кто? Грязь под ногами шактов?

– За столько аров смертные так и не доказали, что они на что-то способны, – жестко отрезал Иланди, – мы не можем быть равными. Это суть нашего мира.

– Людям нужны свобода и признание. Этот Диксеритти не создает партий, люди просто приходят к нему и готовы поддержать. Они не бегают с призывами по улицам, но они готовы изменить свою жизнь. У него много последователей в других городах. Наши агенты работают среди них и уже можно сказать о том, что у них потихонечку начинает назревать требование. Всего одно.

– Чего же они хотят? – Димостэнис слегка нервозно отбил пальцами дробь на поверхности стола.

– Объединиться и создать отдельное государство. Где нет одаренных и их гнета, нет императора, нет Совета и их законов. Они будут сами по себе, со своим правителем, со своими порядками и со всем тем, чего они уже давно ждут.

Пальцы замерли над столом. Главный советник откинулся на спинку своего кресла.

Ориф потянулся за папкой, лежащей на самом краю стола.

– Это Клит – таки оставил. В партии Диксеритти состоят не только обычные люди, но и одаренные тоже, и они поддерживают права смертных. Мы все – люди, неважно есть у нас хьярт или нет. Иначе как могло бы такое случиться?

Димостэнис просто терпеть не мог такие вот вопросы от своего помощника. Не-на-ви-дел. Потому что ответов на них у него не было.

Жизнь в Астрэйелле строго подчинялась законам и правилам. С самого рождения подданный империи жил как ему было положено. Все было предопределено. И чем выше ты стоял на социальной лестнице, тем уже были рамки. За тебя выбирали, где учиться, будущее место службы, избранника. Вся жизнь как площадка цирка, а люди – дрессированные обезьянки, ослики, в лучшем случае лошадки.

Ведь его самого не любили за то, что он так часто нарушал правила и постоянно делал то, что не должен был. Поэтому и Совет так бесится. Димостэнис Иланди – младший сын благородного рода. Он мог остаться в имении и всю жизнь управлять империей под названием Иланди, мог пу-

тешествовать и вести светский образ жизни, а мог и вовсе пить, кутить и проводить время в компании девиц, а он полез в политику. Сует свой нос в государственные дела, мешает благородным сэям, к тому же еще и должность занимает выше, чем его старший брат и даже великий глава рода.

– Ты когда-нибудь гулял просто по нижним кварталам? Смотрел, как живут обычные люди? Чем они живут? Что ты вообще знаешь о них?

Смертные служили шактам, делали грязную, тяжелую работу. Если хотели чего-то большего, они должны были получить у государства лицензию, разрешающую им какой-то определенный вид занятий. Одаренные презирали тех, кто был рожден без дара, а те отвечали шактам глубокой ненавистью. Так было положено.

Шакты и смертные не общались и даже старались, чтобы их пути не пересекались. Если вдруг находились исключения из этого общего нерушимого уже многие ары правила, их строго наказывали в соответствии с существующим законом. За запрещенные союзы неодаренным была уготовлена смертная казнь, а шактам вырезали хьярт в назидание, чтобы другим неповадно было, а если каким-то чудом наказуемый выживал, отправляли в ссылку на север, в горы, на рудники.

Ориф никогда не скрывал своего истинного отношения к империи, в которой он родился и прожил большую часть своей жизни. К людям, которые населяли Астрэйелль. К отцу, которого считал предателем. Здесь, правда, Димостэнис

считал, что Ориф сильно не прав. Глава Дома Югрэлли, не доложив властям о связи своего непутевого наследника со смертной и всего лишь изгнав из лона семьи, спас ему жизнь, тем самым приравняв себя к отступникам.

– Что это у тебя? – Иланди решил, что не будет отвечать на последний вопрос своего помощника, просто-напросто проигнорировав его.

– У! – помощник потряс в воздухе небольшой книжонкой. – Не поверишь, свод правил от пятисот тринадцатого ара после Энергетического Взрыва, написанный самим Стэлларом.

Дим протянул руку.

– Старыми буквами, – протянул он, – даже не переписанный.

Ориф построил кислую физиономию.

– Терпеть не могу.

– Заставляли учить в детстве? – не мог не поддеть помощника Димостэнис.

Тот фыркнул, но предпочел не открывать своих отношений с забытым алфавитом. Видимо, о мертвых либо хорошо, либо никак.

Дим бегло пролистал страницы. В самом деле, самый настоящий свод, написанный одним из самых ярких правителей династии Эллетери. Ведь именно этот далекий предок Аурино изменил государственный строй государства, создав империю, управляемую Советом и лишив монарха абсолют-

ной власти.

– Нашли у одного дельца на границе, собирался переправлять в княжество, – пояснил Ориф, – открыли сейф, а там книги. Он так вопил, как будто у него последний кусок хлеба отнимаем.

– Я думаю, истинные ценители могут дать не менее ста золотых за этот антиквариат. Не плохой куш.

Помощник покачал головой.

– При обыске у него изъяли столько золота, что он мог бы купить себе тысячу таких книжонок, но он и то так не горевал. Я решил, что под древней обложкой может скрываться тайная переписка со службами долины.

Дим заинтересованно посмотрел на собеседника.

– Я уже проверил две другие – чисто. Осталась эта, – Ориф тяжело вздохнул и притянул фолиант к себе.

– Ладно, так и быть, возьму на себя, – Димостэнис положил ладонь на свод.

Помощник простер руки в потолок.

– Спасибо тебе, о Великий Зелос! Что послал мне такого доброго и понимающего начальника!

– Услуга за услугу, – прервал Иланди его благодарственные молитвы. – Мне нужно найти одну целительницу

Ориф потянулся за чистым листом бумаги и взял перо в руки.

– Угу. Целительница, – быстро черкнул он, – дальше.

Дим слегка откашлялся, в горле все еще першило.

– Она – женщина.

– Я понял. Ты уже сказал, – Ориф поднял глаза на слегка растерянного главу службы. Правда, тот этого даже не заметил. Помощник прикрыл улыбку ладонью и вновь уткнулся в бумагу.

– По большому счету это все.

Ориф округлил глаза.

– Тебе всех скопом или в очередь выстроить? Ты представляешь, сколько целительниц-женщин только в Эфраноре?!

Представлял. Только, что он мог еще добавить? Дим помнил маленькую фигурку, закутанную в темный плащ в коридорах замка Дайонте. В том, что он видел именно ту самую целительницу, он уже не сомневался. Однако для него оставалось загадкой, как и с какими целями, она попала в дом.

– У нее очень необычный дар, – все же вымолвил он, понимая, что что-то сказать должен, если хочет, чтобы Ориф ему помог. – Ты знаешь, что все целители пользуются не силами стихий, а своими внутренними ресурсами. В крайнем случае – они водники. В ней же горел огонь. Сильный. Яркий. словно живое пламя. И самое главное – она напрямую пользовалась энергетикой мира.

Дим как обычно прикусил губу.

– Даже не знаю, как тебе объяснить. Она не накапливала в себе силу, она брала ее у стихии, и... и как бы проводила сквозь себя.

– О, как! – Ориф внимательно наблюдал за собеседником, слегка изогнув одну бровь. – Просто проводила?

– И отдавала ее мн... объекту, которого врачевала. Теперь все. Хотя нет – у нее есть летун.

Иначе бы как они оказались на вершине горы?

Димостэнис отвернулся к стеллажам.

– Еще у нее длинные волосы.

Правда из-за темноты и своего состояния он не видел даже их цвета. Он рассеяно перебирал бумаги. Ему было просто необходимо найти ту целительницу. Внутри него до сих пор горел огонь, и это не давало покоя. Прошло столько дней с их встречи, а он все яснее понимал, что, если не будет еще, хотя бы одной, мысли о ней сожгут его дотла.

– Подать сэю Иланди целительницу! – веселый голос Орифа выдернул его из мира грез. – Женщину, с необычным даром, красивую, длинноволосую!

– Я не говорил, что она красивая.

Послышались быстрые росчерки пера по бумаги.

– Хорошо! НЕ красивую, – податливо повторил помощник.

Димостэнис покачал головой.

– Это если будет время.

Он погасил огневик и пошел к двери.

– До завтра. Если придешь первым, скажи Клиту и Айберу, чтобы дождались меня.

Иланди остановился, вслушиваясь в ночную тишину. За-

крыл глаза, пытаясь уловить энергетику мира, окружающую их. С его руки сорвался серебристый импульс, ударил помощника в плечо, опрокидывая того на пол вместе со стулом. Там, где только что была голова Орифа, со свистом пролетел болт, оставляя за собой брызги стекла и врезался в один из стеллажей.

Димостэнис швырнул пылающий шар в темный проем окна и накрыл его энергетической сетью, защищая от любого метательного оружия.

– Ты как? – быстро бросил помощнику.

Утвердительное мычание стало ему ответом.

Дверь распахнулась, и в комнату ворвались двое, держа наизготовку боевые рапиры. Один из них, здоровенный дестина, кроме рапиры был вооружен еще чем-то вроде тяжело-го тесака, который он уверенно держал в левой руке.

Димостэнис отскочил назад, вглубь комнаты. Выставил защитное поле, понимая, что в ближнем бою, да еще таким оружием оно вряд ли будет особой подмогой. Зато сможет прикрыть в случае энергетических атак. Здоровяк, несмотря на свою комплекцию, резво подпрыгнул и рубанул тесаком, целя Диму прямо в голову. Иланди швырнул готовым плетением. В энергетическом поле противника образовалась прореха. Дим ударил снова. На этот раз здоровяк ловко увернулся и снова сделал выпад, уже рапирой. У Димостэниса на пальцах переливаясь серебром, сверкала новая формула. Сделав обманное движение, он швырнул его противнику в

ноги. Дитина рухнул на колени, выронив оружие из правой руки. Перекатился через голову, подбирая, вновь вскакивая на ноги.

Диму некогда было любоваться мастерством нападавшего. Длинным прыжком ушел от возможного удара в спину. Очутился в противоположном углу комнаты. Рывком вытащил ящик одного из стеллажей, руша плотно установленные ряды полок.

Бумаги посыпались на него. Он щелчком пальцев швырнул в них силовой импульс и они, закружившись в бешеном вихре, окутали противника, подарив несколько свободных мгновений.

Димостэнис схватил, спрятанный в ящике удлиненный кинжал. Вообще он был на «ты» с любым холодным оружием начиная от моргена²⁷, заканчивая обычной дагой, которую он держал в руке. Правда, сейчас он не отказался бы от батарды²⁸ во вторую.

Здоровяк, с рычанием раскидав в разные стороны бумаги, пошел в атаку. К неприятному удивлению Димостэниса аура противника, полностью восстановившись от прорех, вновь переливалась ровным бледно-голубым свечением. Подпитываясь энергией извне.

²⁷ Морген – оружие карателей. Длинный шест с острым колющим двухсторонним наконечником.

²⁸ Батарда – меч с удлиненной овальной рукоятью и укороченным двусторонним клинком. Используется для ближнего боя, хотя и для того, чтобы держать врага на расстоянии тоже неплох.

Его энергией!

Неприятное открытие. Не думая уже о том, как такое вообще было возможно.

Держа рапиру перед собой, противник уверенно пошел на Дима, собираясь, словно муху прищипить его к стене. Расчетливо выждав, пока кончик лезвия окажется на одном уровне с его глазом, Димостэнис нырнул под руку неприятеля и бросился на землю, уходя от смертельного удара. Сильный пинок в бок помешал траектории его прыжка и он, потеряв ориентацию, прокатился по полу, ударившись головой об ножку массивного стола.

Детина уже навис сверху, замахнувшись тесаком. Дим выставил вперед руку, переведя весь свой энергетический щит, на эту часть тела. Лезвие клинка отскочило от кисти, заискрилось серебром. Со всего маха пнув противника по коленной чашечке, Димостэнис извернувшись от ответного удара, вскочил на ноги.

Сзади приглушенно вскрикнули. Противник отвлекся от боя, бросил быстрый взгляд через плечо. Дим не упустил такого шанса. Метнул кинжал, целясь в шею. В последний момент здоровяк успел отшатнуться. Клинок вошел в плечо.

Звякнула рапира, ударившись об пол. Димостэнис кинулся к оружию, успев опередить своего врага. Слегка сжал пальцы, приспособиваясь к новому клинку. Ударил. Здоровяк встретил рапиру кинжалом, который он уже сжимал во второй руке. А в раненой он по-прежнему уверенно держал

свой жуткий тесак, как будто только что не вытащил из себя хорошо отточенную сталь.

Дим больше не стал ждать, напал первым.

Удар, попытка дотянуться до противника, уклон, прыжок, снова удар, уход с линии атаки, снова прыжок, снова удар, поворот на месте, снова удар, снова... Не дать врагу сделать ни одного по-настоящему сильного выпада. Практически лишенный энергетических сил и вооруженный лишь одним клинком, Димостэнису ничего не оставалось, как взять врага на измор, истощить силы, заставить открыться. Вынудить сделать всего лишь одну единственную ошибку.

Дим видел, что противник уже едва успевал уходить от его стремительных атак и быстрых перемещений. Однако он был неприятно поражен, как тот искусно держал удары. Это в каких же неизвестных ему школах обучают мастерству боя Великих Домов?

Он поклялся самому себе, что не убьет мерзавца. Ему есть, о чем с ним поболтать по душам.

И снова – укол рапиры, успеть отвернуться от кинжала, направленного в лицо, уйти за линию атаки, взвиться в воздух, оказавшись в ере от противника, сделать последний шаг, встать вплотную, швырнуть на пол рапиру и схватить освободившейся рукой руку растерявшегося противника, зажимающую тяжелый клинок.

Рискнул, развязал плетение, прикрывающее окно и во-брал в себя освободившиеся энергетические потоки. Пальцы

второй руки положил на шею противника и провел, оставляя своим прикосновением яркий серебряный след. С силой ударил по лицу, врезая кулак в незащищенную скулу.

Здоровяк расширил глаза и схватился за горло, падая на пол. Дотягиваясь до остатков своих сил, Дим вновь положил руку на уже сформированное плетение, увеличивая его на ширину почти в половину ладони. Запечатал, своими действиями причиняя врагу немалую боль.

Сзади с досадным стоном сквозь сжатые зубы выругался Ориф.

У его ног на полу в предсмертной агонии корчился один из нападающих, зажимая руками развороченный живот. У самого Орифа в боку между ребер торчал кинжал, и он из последних сил отражал опасные удары второго.

Дим метнул нож, вонзившийся в шею врага. Тот поднял было руку, но сил не хватило, и он кулем упал на пол. Ориф сполз по стенке, держа окровавленные пальцы чуть ниже клинка.

Димостэнис в два прыжка оказался рядом. Рванул уцелевший рукав бывшей еще недавно белоснежной рубахи, порвал на полосы.

– Готов? – тихо спросил у помощника.

Тот стиснул зубы и слегка прикрыл глаза. Дим резко выдернул нож и приложил к ране, приготовленные тряпки.

Дверь распахнулась, с грохотом врезавшись в стену. Димостэнис все еще державший кинжал, молниеносно вскочил

на ноги со вскинутой для броска рукой.

— Вот это да! — Айбер обвел глазами разгромленное помещение. — Вы в порядке, сэй?

За его спиной стояли два законника.

— Да, — ответил Дим и бросил взгляд туда, где оставил единственного живого пленника.

Выругался. Опрометью кинулся к открытому окну и выпрыгнул в непроглядную ночь.

Было настолько темно, что все становилось неразличимым уже на расстоянии вытянутой руки. Дим опустился на корточки. На еще влажной, мягкой земле четко были видны отпечатки сапог. Он бежал по следу, не оставляя надежды догнать преступника. Отметины ног явно вели его к мосту, к реке, которая разделяла средний район города и нижний. Однако вскоре он уперся в наезженную тропу, на которой следы растворились в сотне других, оставленных здесь за день.

Дим стиснул зубы и вернулся на несколько шагов назад, вновь проследив, куда вела цепочка следов. Вновь вышел на тропу. Огляделся. С одной стороны лес, граница Эфранора и центральной квоты, с другой пустырь с одиноко стоящими на окраине домами, откуда он пришел, чуть дальше река. Больше никого. Только он, ночь и потерянные следы.

В бессильной ярости Дим пнул попавшейся под ноги камень и пошел назад.

В штабе помимо Орифа, нескольких человек его службы,

находились Айбер и двое законников.

– Как вы узнали, что здесь случилось? – спросил Дим, удивляясь такому количеству народа.

– Мы же вроде тихо, – добавил бледный как лист бумаги Ориф, – можно сказать по-дружески потыкали друг в друга ножичками и разбежались.

– Вы может быть и тихо, а вот у дома сся Иланди такие фейерверки сверкали, что половина Верхнего Города теперь на ушах стоит.

– ????

– Собственно поэтому мы тут – вас искали. Кто-то хотел проникнуть в ваш дом, но не смог разобраться с охранными линиями.

– И как? – мрачно поинтересовался Димостэнис, даже не сомневаясь, что услышит в ответ.

– Одному оторвало голову, второго поджарило чуток. В нескольких соседних домах выбиты стекла, а в самом ближнем покорежена крыша и верхний этаж.

– Случайные пострадавшие есть?

– Нет.

Дим скривил губы. Какой недалекий ишак мог полезть в его дом? Правда, больше его интересовал вопрос: зачем?

– Айбер, пусть твои люди отвезут Орифа в обитель, – он взглядом оборвал все возражения, – завтра поговорим. Все остальные со мной.

То ли у Айбера было плохо с чувством меры то ли с про-

странственной ориентацией. Мчась к своему дому, Димостэнис искренне радовался, что хоть кто-то из нападавших остался в живых и сможет ответить на ряд созревших вопросов. Он замер около тела «чуток поджаренного» разбойника. В смысле около одной половины тела. «Чуток поджаренной» и почти целой, а рядом заботливо прикрытая энергетическим куполом от ветра лежала кучка пепла. Дим мрачно перевел взгляд на помощника, потом на соседний дом. От того остался лишь первый этаж да рассыпь обугленных камней по всему периметру двора. Хотелось надеяться, что значение слов «случайные пострадавшие» они с Айбером понимают все – таки одинаково.

Впрочем, ему чувство меры тоже явно изменило, когда он ставил охранные линии. С самых ранних аров обучения Димостэнис не имеющий полноценного доступа к своим возможностям, досконально изучал теорию. Он знал все об энергетическом полотне Элиаса, силах стихий и как они взаимодействуют друг с другом. Он исписывал десятки листов, придуманными боевыми формулами, но, не всегда имея достаточной силы наполнить их необходимой энергией, частенько складывал записи в ящики стола. Однако он был мастером в создании защиты.

Дим быстрыми шагами пересек разгромленную территорию и зашел в свое нетронутое жилище, почти сразу же наткнувшись на кира Хэллая.

– Доброго вечера, сэй, – склонил голову глава службы за-

конников в Эфраноре.

Димостэнис проигнорировал приветствие, зная всю полноту его «искренности» и холодно произнес:

– Расследование этого дела я беру на себя, вы и ваши люди можете быть свободны.

– Сэй Иланди, – законник даже не подумал двинуться с места, – мое учреждение не может оставить это происшествие без своего вмешательства. Поэтому если вы не возражаете, мы продолжим наше расследование.

– Я ясно дал вам понять, что возражаю, – сквозь стиснутые зубы процедил Димостэнис, – и пока мои люди не применили силу, прошу очистить территорию моего жилища.

– Сэй Олафури...

– Здесь приказываю я! – он круто развернулся, не давая Хэллаю вставить еще хоть одно замечание. – Сэй Олафури может высказать свои претензии мне.

Хлопнул дверью.

– Клит, – окликнул помощника, стоящего с двумя людьми возле трупа безголового разбойника, – что-нибудь удалось узнать?

Тот покачал головой.

– Пока нет ни одной зацепки. Если что-то и было, сгорело в огне.

– Вы видели рисунок на руке погибшего? – Дим остановился у тела преступника. Сквозь порванный рукав рубахи на предплечье была хорошо видна татуировка в виде сердца

с трещиной пополам. То ли одно сердце, разбитое на два, то ли два не сросшиеся до единого. Рисунок показался смутно знакомым, но так сразу он не смог вспомнить, где видел его раньше.

Клит кивнул.

– А у того? – глава службы перевел глаза на «чуток поджаренного».

– Нет. Правда, второй руки тоже нет.

– Возьми несколько человек, в штабе еще двое. Проверьте их.

По двору гордо прошествовал кир Хэллай, а за ним около десяти законников. Замыкавший отряд Айбер, бросил на главу Службы имперской безопасности прощальный взгляд. Дим едва заметно ответил своему человеку, которого чуть больше ара назад устроил на службу к законникам и который за это время успел продвинуться по карьерной лестнице до одного из начальников отдела расследований. Благодаря стараниям Айбера Нейсила у тайной службы всегда была свежая и расширенная информация не только о том, что творится в городе, но и что происходит у их главных конкурентов.

– Остальным скажи, чтобы прибрались. Завтра, когда Талла встанет ничего не должно напоминать о том, что произошло, – он снова бросил хмурый взгляд на соседний дом, – или почти ничего.

– У меня вопрос, сэй.

– Слушаю.

– Вы должны были быть сегодня дома? Это нападение на вас или же попытка проникнуть в ваше жилище с целью там что-то найти?

Димостэнис замер.

– Все дьяволы Бездны! – выругался он.

Этим вечером он должен был быть в родовом имении, где его брат праздновал помолвку.

Глава 7

– Я прошу прощения за свое опоздание, – Димостэнис, как это было положено по этикету, склонил голову, приветствуя старшего в семье.

– Слегка припозднился, – голос Лиарена был сух и невыразителен, – но можешь не беспокоиться, мы не в обиде.

Большинство гостей проводило время в саду, где играли музыканты, часть приглашенных вели тихие беседы в гостиной, потягивая вино, часть уже успела разъехаться. Однако в искренности слов Лиарена Дим даже не сомневался.

Если бы Димостэнис вдруг задался вопросом, на чем строились отношения между ним и братом, то вряд ли смог дать на него ответ. Так как этих отношений никогда не было. Они росли в одном доме, у них были одни родители, они носили одно родовое имя. Впрочем, были еще безразличие со стороны младшего и ревность со стороны старшего.

По какой-то необъяснимой для Димостэниса причине брат всегда ревновал к нему отца. Если в детские ары это еще можно было понять, то сейчас исполнительный, учтивый, выдержанный, а самое главное не сующий нос, куда не следует Лиарен, за явным преимуществом набирал лидирующее количество балов за симпатии главы рода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.